

Э. ФРАНЧЕС

КЛАССОВАЯ ПОЗИЦИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ФЕОДАЛОВ
В ПЕРИОД ТУРЕЦКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Нельзя анализировать обстоятельства, при которых произошло крушение Византийской империи, не изучив внимательно позиции, занятой византийскими феодалами в период турецкого завоевания. Исследование этой проблемы во многом облегчит и правильное понимание политики феодальных элементов в других балканских странах накануне и в период турецкого завоевания, — политики, о которой документального материала, относящегося к данному периоду, почти не сохранилось.

И византийские историки отнюдь не были заинтересованы в разоблачении подчас весьма жалкого поведения большинства представителей господствующего класса в критические для Византии моменты. Они сами принадлежали к византийской аристократии или же были с ней тесно связаны и поэтому, естественно, трудно ожидать, чтобы именно они могли правдиво показать будущим поколениям всю глубину морального упадка своего класса.

Все же между строк можно заметить ряд разоблачающих фактов. Нет недостатка также и в прямых обвинениях в адрес тех или иных политических или военных деятелей. Так, например, византийский писатель Кидонис не боится утверждать, что в борьбе за власть императоры и самые влиятельные сановники часто прибегали к помощи турок¹. Историк Григора откровенно и неоднократно заявляет, что именно Кантакузин повинен в том, что турки обосновались в Европе. Потерю любви к свободе, отсутствие патриотизма, упадок морали господствующего класса в византийском обществе можно заметить также и в свидетельствах Плифона². Или разве не характерен рассказ, который мы можем прочесть у Халкокондила о том, что великий визир Мехмед, руководивший военными операциями на Пелопоннесе, с отвращением утверждал, что будто бы он обнаружил там только рабов и лишь защитник крепости Салменикон действительно показал себя человеком, жаждущим свободы³.

Протурецкую позицию большинства византийских феодалов можно проследить, начиная с первых столкновений между византийским миром и ордами турок, до завоевания Оттоманской державой последних греческих земель, хотя, конечно (как мы это и увидим в дальнейшем), на протяжении этих трех веков турецкой экспансии причины, порождавшие туркофильство в среде правящего класса Византии, не оставались неизменными.

¹ D. Kydonès. Correspondance, ed. G. Cammelli. Paris, 1930, p. 11—12.

² Τοῦ αὐτοῦ Πλήθωνος συμβουλευτικὸς πρὸς τὸν δεσπότην Θεόδωρον, in: A. Ellissen. Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur. Leipzig, 1860, IV (2), S. 77.

³ Chalkokondylae Historiarum libri decem. Bonnae, p. 484—485.

Во всяком случае с началом проникновения турок на византийские территории в Малой Азии, нельзя указать на какое-либо сопротивление со стороны местных феодальных элементов⁴, которые еще в IX и X вв. успешно боролись с арабами. Мощный город-крепость Брусса был сдан своим комендантом без единой капли крови⁵. Никомидия также была занята турками без боя⁶. Став хозяевами этих могучих крепостей, османские турки могли окончательно закрепить свои позиции в Малой Азии. На протяжении всего этого времени Византийская империя из-за пассивности местных феодалов вынуждена была использовать наемные войска, состоящие либо из жителей Крита, либо из каталонцев, руководимых Рожером де Флором.

Начиная с конца XIII в. можно отметить частые случаи открытого перехода отдельных феодалов на сторону турок, что, конечно, облегчало все более и более глубокое проникновение последних на территорию империи. Даже командующий византийскими войсками в Малой Азии Кассиан был подозреваем в связях с турками⁷. Будучи зятем императора Андроника II, он все же действовал в интересах местных феодалов и оказал им содействие, когда они восстали против фискальных мероприятий императора⁸. Это несомненно также свидетельствует о его протурецкой позиции.

Турецкие предания воспроизводят многочисленные подробности относительно той поддержки, которую оказывали местные феодалы туркам, начиная с их первых успехов в Малой Азии. Главным сообщником Османа был некий Кесе Михаил, бывший перед этим греческим комендантом крепости Гирменкии⁹.

Значение этой полулегендарной личности видно из турецких хроник¹⁰: о нем говорится там, как о лице, сыгравшем решающую роль во взятии Бруссы¹¹. Авторы турецких хроник называют также и других византийских вождей, присоединившихся к завоевателям¹². Когда летом османские турки со своими стадами уходили в горы, хранителем их богатств был греческий комендант другого города-крепости, Велокомы¹³.

Больше того, когда народные массы, доведенные до отчаяния турецкими грабежами, хотели организовать сопротивление туркам, правящий класс Византии этому противился. Так, когда в начале царствования императора Андроника II, какой-то болгарин, выдававший себя за Ивайло (Лакхану), вождя болгарского крестьянства в борьбе против татар и феодалов, сумел объединить вокруг себя многочисленную и полную энтузиазма крестьянскую армию и начал борьбу против турок, имперские

⁴ Поведение местных феодальных элементов было одинаково благоприятным как по отношению к туркам-сельджукам, так и к туркам-османам (M. Cahen. La première pénétration turque en Asie Mineure. Byz., XVIII, 1946—1948, p. 48, 64).

⁵ D. Cantemir. Histoire de l'empire othoman. Paris, 1783, I, p. 42.

⁶ Ibid., p. 67.

⁷ Pachymeres. De Michaele et Andronico Palaeologis, II. Bonnae, p. 636.

⁸ Ibid., p. 618.

⁹ J. Hammer. Histoire de l'Empire Ottoman, trad. par M. Dochez. Paris, 1844, I, p. 26—30; N. Iorga. Geschichte des osmanischen Reiches, I. Gotha, 1908, S. 153; K. 'Αμάντος. Σχέσεις 'Ελλήνων και Τούρκων, από τοῦ ἐνδεκάτου αἰῶνος μέχρι τοῦ 1821, τ. I. Ἀθήναι, 1955, σελ. 64.

¹⁰ Saad-ed-Din. Chronica dell'origine e progressi della casa Ottomana, trad. Bratutti. Vienne, 1649, I, p. 17.

¹¹ F. Giese. Die altosmanischen anonymen Chroniken. Leipzig, 1925, II, S. 20; Saad-ed-Din. Op. cit., p. 24.

¹² Saad-ed-Din. Op. cit., p. 12. Например, город Колоя был также добровольно сдан его правителем эмиру айдинскому Мехмеду (см. P. Lemerle. L'émirat d'Aydin. Paris, 1957, p. 25).

¹³ Saad-ed-Din. Op. cit., p. 9; J. Hammer. Histoire..., p. 28, 30.

власти, вместо того чтобы поддержать борьбу крестьян, арестовали их вождя и бросили его в тюрьму¹⁴. То же повторилось и несколько лет спустя, когда подобная попытка была сделана бывшим свинопасом, болгаринном Иваном. Организованный им крестьянский отряд одержал несколько побед над турками, но в битве у осажденной турками крепости Скамандра, которую он хотел освободить, турки его захватили, а затем обезглавили, после того как местная аристократия отказалась его выкупить¹⁵. Несколько позже монах Иларион из монастыря Перивлелтос по своей инициативе организовал сопротивление туркам и с помощью населения ему удалось их отбросить и освободить осажденную ими крепость Елегми. Его военные успехи напугали высшее духовенство и знать, и ему с большим трудом удалось избежать наказания¹⁶.

Но всех этих случаях основным, конечно, являлось то, что правящий класс боялся, как бы эти народные силы, будучи однажды развязанными, не повернулись и против внутренних угнетателей; но необходимо, кроме того, учитывать и протурецкую позицию местных византийских феодалов. Беспорядок, явившийся результатом турецких набегов, позволял этим феодалам освободиться от центральной власти и не только не выполнять своих военных и фискальных обязанностей, но и захватывать императорские земли и земли стратиотов. Не удивительно поэтому, что когда император Андроник II захотел восстановить порядок и свою власть в Малой Азии, это вызвало настоящее восстание местных феодалов, как светских, так и духовных. Посланный туда императором Иоанн Тарханиот с трудом спасся бегством¹⁷. Когда же через несколько лет Андроник попытался снова собрать налоги, обычно взимаемые с владений земельной аристократии Малой Азии, посланный с этой целью сборщик налогов, некий Вардала, был избит палками и прогнан¹⁸.

Создавшиеся в Малой Азии новые политические условия очень устраивали местные правящие круги. Последние могли призывать на помощь турецкие банды всякий раз, когда центральная власть пыталась снова утвердить свои права сюзерена.

Но в то время как местные феодалы полагали, что, пользуясь услугами турок в борьбе против Константинополя, они укрепляют свое положение, в действительности именно турки начинали проявлять инициативу и проводить свою собственную политику — политику последовательного захвата византийской территории.

Такова закулисная сторона первого этапа отношений между византийским господствующим классом и турками.

Сотрудничество между византийскими феодалами и турками еще более укрепилось в XIV в., когда турки начали нападать на европейские территории империи. Хотя подробный разбор этих событий не входит в задачи данной статьи, все же мы думаем, что некоторые из них заслуживают упоминания.

Так, например, нельзя рассматривать как случайность тот факт, что один из вождей партии крупных византийских феодалов, Иоанн Кантакузин, поддерживал очень тесные отношения с турками и постоянно прибегал к помощи различных турецких эмиров. Кантакузин не боится лично признаться в своих дружеских отношениях с Омар-бегом, эмиром Айдина. Во имя своей дружбы с Кантакузином Омар-бег вместе с эмиром Сарханом

¹⁴ P a c h y m., II, p. 188—192.

¹⁵ Ibid., p. 442—444.

¹⁶ Ibid., p. 596—597.

¹⁷ Ibid., p. 260—262.

¹⁸ Ibid., p. 618.

помогли Андронику Младшему захватить Новую Фокею, находившуюся в руках генуэзцев¹⁹, и подавить восстание албанцев²⁰.

Столь сильная привязанность Омар-бега к Кантакузину кажется на первый взгляд непонятной, но о ней говорят не только сам Кантакузин и Григора²¹, она подтверждается также и турецкими источниками. Например, Энвери называет Кантакузина «братом» Омара²². Знаменательной для «этой дружбы» является следующая подробность, переданная обоими византийскими историками: во время гражданской войны, не имея долго вестей от своего друга, Омар едет в разгар зимы в Европу, чтобы «со слезами на глазах и вздохами» узнать, жив ли еще Кантакузин²³. На протяжении всего этого периода можно проследить особую заботу Омара о том, чтобы победила партия Кантакузина. Так, например, в момент смерти Андроника III, боясь, что враждебная Кантакузину партия уничтожит господство последнего, Омар со своими кораблями направляется к Константинополю, хотя его об этом не просили²⁴. В 1345 г., когда Смирна была захвачена латинянами и, таким образом, морской путь был закрыт, Омар, чтобы все-таки прийти на помощь Кантакузину, согласился уступить некоторые территории Сархану только за то, чтобы Сархан позволил ему пройти через свой эмират²⁵. А когда банды Сархана готовились напасть на Кантакузина и разграбить занятые им территории, Омар послал свои войска для того, чтобы в момент нападения на Кантакузина они выступили на его стороне²⁶.

Все эти факты являются доказательством того, что дело здесь, конечно, не просто в бескорыстной личной привязанности²⁷, но что какие-то важные интересы связывали представителя крупных византийских феодалов с турецкими захватчиками.

Вся политика Омар-бега дает нам право считать, что он преследовал далеко идущие планы, имея в виду создание турецкой морской державы. Византийские крупные феодалы могли лишь благожелательно отнестись к силе, способной противостоять деятельности итальянских торговых республик на Востоке, что мы и покажем в дальнейшем. Кантакузин не мог не знать этих планов²⁸. Они, по-видимому, были хорошо известны и на Западе, о чем свидетельствуют и весьма осмотнительное отношение папской курии к заманчивым предложениям Кантакузина, и задержка с ответом на них и расплывчатое содержание этого ответа²⁹.

Можно предполагать, следовательно, что крупные византийские феодалы намеревались с помощью Айдинского эмирата укрепить свое господство в Византии и избежать конкуренции со стороны латинян и местных городских элементов; при этом они предоставляли полную свободу действий айдинскому эмиру в деле завоевания первенства в восточном бас-

¹⁹ *Cantacuzeni Historiarum libri 4, I. Bonnae, p. 482; II, p. 344, 387.*

²⁰ *Ibid., p. 496—499; Gregoras. Historia Byzantina, I. Bonnae, p. 545.*

²¹ *Cantac., II, p. 344; Greg., II, p. 597.*

²² *Le Destan d'Umur Pacha, trad. par I. Mélikoff-Sayar. Paris, 1954, v. 2277—2372.*

²³ *Cantac., II, p. 345; Greg., II, p. 642.* Об отношениях между Кантакузином и Омаром см. также *Greg., II, p. 652.*

²⁴ *Greg., II, p. 548.*

²⁵ *Cantac., II, p. 529.*

²⁶ *Ibid., p. 592—593.*

²⁷ *Greg., III, p. 159.*

²⁸ Показательны утверждения Кантакузина (*Cantac., II, p. 398*) и Григоры (*Greg., II, p. 598*) о том, что Омар повиновался Кантакузину как раб и что они часто обменивались письмами.

²⁹ *J. Gay. Le pape Clément VI et les affaires d'Orient. Paris, 1904, p. 104; P. Lemerle. L'émirat d'Aydin, p. 226.*

сейне Средиземного моря, продолжая, по-видимому, оказывать ему поддержку даже и после того, как Кантакузин вышел победителем из гражданской войны.

Кантакузин пользовался также постоянной поддержкой и со стороны Урхана, хотя банды последнего много раз беспощадно опустошали византийскую территорию³⁰. Брак дочери Кантакузина с Урханом служил делу укрепления политических отношений; турецкий эмир уверял крупного византийского феодала Кантакузина, что он поможет ему своими войсками в борьбе против римских «врагов» не как друг и союзник, а как сын и как подданный³¹. Когда Кантакузин увидел, что может окончательно проиграть в борьбе против Иоанна Палеолога, он дошел до такой степени морального падения, что предложил империю Урхану³². Кантакузин была связан и с еще одним турецким вождем, Солиманом из Карази³³, который также ему помогал.

Благосклонное отношение Кантакузина и партии крупных феодалов к туркам в значительной мере объясняет ту легкость, с которой последние могли укрепиться в Европе. Даже до того, как турки захватили Цимпе, а затем Галлиполи, Кантакузин сам поселил в Херсонесе турецкие семьи³⁴. Когда, после окончания гражданской войны, встала задача организовать борьбу с целью изгнания турок из Европы, Кантакузин под разными предлогами воспротивился этому и пытался защитить своего союзника Урхана³⁵. То же сделали и другие византийские феодалы³⁶. Закрепившись в некоторых городах европейского континента и находясь под покровительством Кантакузина, турки продолжали грабить империю³⁷. Все это показывает, насколько можно верить заявлению Кантакузина³⁸, сделанному им с целью оправдать свой союз с Омаром, о том, что по достижении своей цели, он уничтожил бы корабли турок.

Обвинение Григоры, что именно Кантакузин заставил турок прийти в Европу, не должно быть рассматриваемо как простая клевета политического противника: оно является неоспоримой исторической действительностью³⁹. Кантакузин поддерживал свои союзнические отношения с турками даже и тогда, когда в этом не было никакой необходимости, т. е. после того, как он добился победы в гражданской войне⁴⁰. Только когда турки стали уже слишком докучливыми, Кантакузин предпринял против них некоторые меры⁴¹.

³⁰ Cantac., II, p. 498.

³¹ Ibid., p. 586.

³² Greg., III, p. 181.

³³ Cantac., II, p. 476.

³⁴ Greg., III, p. 203.

³⁵ Cantac., III, p. 299.

³⁶ Ibid., p. 295—299.

³⁷ Ibid., p. 63—64.

³⁸ Ibid., II, p. 82.

³⁹ Greg., II, p. 741; N. Iorga, Latins et Grecs d'Orient et l'établissement des Turcs en Europe. «Etudes byzantines». Bucarest, 1940, II, p. 296. Я не мог бы согласиться с точкой зрения Г. Острогорского (G. Ostrogorsky, Histoire de l'Etat Byzantin, Paris, 1956, p. 542), согласно которой турки стали союзниками Кантакузина единственно благодаря его дипломатической ловкости и тем способам, которыми располагали для их привлечения крупные феодалы. В действительности сближение Кантакузина с турками не случайно и не является следствием гражданской войны, а есть результат политики, последовательно навязываемой классовыми интересами, — политики, постоянной для Кантакузина уже со времен Андроника III.

⁴⁰ J. Gay, Le pape Clément VI et les affaires d'Orient, p. 102; G. Ostrogorsky, Op. cit., p. 549.

⁴¹ Cantac., III, p. 65; Greg., II, p. 835—839.

Другие крупные византийские феодалы, как например, стратопедарх Ватаци⁴², великий стратопедарх Георгий Тагарис⁴³ и византийский посол Георгий Лука⁴⁴, также имели тесную связь с турками.

Даже после того, как Кантакузин покинул политическую арену, его сторонники, представители крупных византийских феодалов, продолжали поддерживать сношения с турками и создавать заговоры в расчете на их помощь в борьбе против Иоанна V⁴⁵. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что старые турецкие хроники говорят о взятии одной крепости на европейском континенте благодаря измене какого-то «неверного», и отмечают легкость, с которой затем были оккупированы и другие греческие города-крепости во Фракии, Андринополь и область Фессалоники⁴⁶. Виллан также констатирует, что Дидимотика была завоевана турками без какого-либо труда⁴⁷.

Отношение византийской аристократии к туркам можно лучше всего проследить по событиям, касающимся взятия Константинополя. Падение великого города на берегах Босфора произвело сильное впечатление во всей Европе и породило богатую литературу, которая показала изменническую роль византийской аристократии в этот период. Часть этого материала представляет собой свидетельства очевидцев и не может быть поставлена под сомнение. Кроме этого материала, имеются народные предания, в которых достоверные факты фигурируют наряду со всевозможными вымыслами и которые широко распространились по всей Европе. И во всех этих народных преданиях о падении Константинополя, независимо от их восточного или западного происхождения, мы имеем одну и ту же оценку роли, которую сыграла в этих событиях византийская аристократия. Все они, наряду с наивными утверждениями о «божьей каре», содержат упоминания и о более реальных причинах трагического события: и о разногласиях между представителями византийской аристократии, и о их жадности, о их отказе содействовать лично и своими деньгами обороне города, т. е., иными словами, о их саботаже организации борьбы против турецких захватчиков.

В румынском фольклоре существует несколько версий рассказа о падении Константинополя. Две из них были опубликованы: одна Н. Йоргой⁴⁸, другая В. Греку⁴⁹. Один русский вариант в румынском переводе был опубликован много лет тому назад А. Мелега⁵⁰. Происхождение двух румынских рассказов несомненно славянское, вероятно, — русское⁵¹. Что касается русских преданий о падении этого города, то, как теперь установлено, их основным источником являются рассказы одного русского — Нестора Искандера, оказавшегося в армии султана. Помимо того, что он

⁴² Cantac., II, p. 552; Greg., II, p. 741—742.

⁴³ Cantac., p. 591.

⁴⁴ Ibid., p. 414.

⁴⁵ M. Villani. Muratori, XIV, col. 650.

⁴⁶ F. Giese. Die altosmanischen anonymen Chroniken, II, S. 24, 31; Saad-ed-Din. Chronica, I, p. 61; Annales sultanorum osmanidarum. PG, t. 159, col. 586; Neschri. Geschichte des osmanischen Hauses, ed. Höldeke. «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft». Bd. XV, 1861, S. 344.

⁴⁷ M. Villani. Muratori, XIV, col. 673.

⁴⁸ N. Jorga. Une source négligée de la prise de Constantinople. «Académie Roumaine, Bulletin de la section historique», v. XIII, 1927, p. 59—128.

⁴⁹ V. Grecu. La chute de Constantinople dans la littérature populaire roumaine, BS, v. XIV, 1953, p. 55—81.

⁵⁰ A. Melega. Istoria subjugării capitalei și cetății împărătești. Bizanției-București, 1869.

⁵¹ Н. Йорга (N. Jorga. Op. cit., p. 65) приписывает опубликованному рассказу сербское происхождение.

видел и узнал непосредственно в турецком лагере, Нестор использовал и сведения, полученные им от греческого населения побежденного города⁵².

В народных преданиях, как греческих, так и румынских, подчеркивается отсутствие патриотизма у византийской аристократии, которая не хотела идти ни на какие материальные жертвы ради обороны города, и хотя у нее были достаточные финансовые средства⁵³, она предпочитала прятать свои богатства⁵⁴. Эти произведения отражают действительное народное мнение относительно той роли, которую играла византийская аристократия в моменты наибольшей опасности для Константинополя, — мнение, основанное, несомненно, на фактах, которые имели место до и во время осады. Следует подчеркнуть, что эти народные рассказы враждебны по отношению к латинянам. Они обвиняют их в отказе оказать какую-либо помощь городу, в том, что латиняне надеялись даже получить выгоду от взятия Константинополя⁵⁵. Несомненно следовательно, что эти рассказы появились в православной среде, славянской и греческой, и их нельзя заподозрить в воспроизведении клеветнических обвинений, которые после падения Константинополя распространялись латинянами с целью переложить на греков всю вину за события, связанные с падением города.

Сведения о том, что богатства знати были укрыты в земле, а не использованы для обороны города, имеются также в сочинениях Георгия Бранковича⁵⁶. Кроме этого, сохранились многочисленные «плачи» по Константинополю, являющиеся безыменными народными произведениями, тоже осуждающие поведение представителей господствующего класса. Военные командиры обвиняются в измене, знать показана трусливой; больше того, утверждается, что совет греческих начальников подготовил заговор, имевший целью передачу туркам ключей от города⁵⁷.

Многочисленные свидетели, очевидцы взятия Константинополя, подтверждают обвинения, содержащиеся в народных рассказах. Венецианец Барбаро клеймит жадность и низость греческой аристократии и, так же как Леонард с Хиоса, с негодованием подчеркивает, что вся эта знать отказалась предоставить императору деньги, необходимые для содержания армии, ссылаясь на то, что она якобы была уже разорена, хотя, как это стало очевидным после взятия турками Константинополя, многие ее представители были еще очень богаты⁵⁸.

К утверждениям общего порядка можно добавить конкретные примеры, взятые у этих же свидетелей-очевидцев, о «патриотизме» греческой аристократии в решающие для существования Византии моменты. Леонард с Хиоса сообщает, что один из представителей высшей греческой аристократии Мануил Гиагари и монах Неофит с о-ва Родоса, которым было поручено наблюдение за работами по восстановлению укреплений, взяли себе большую часть доверенных им с этой целью денег; плохо отремонтированные по этой причине укрепления оказались слабым препятствием

⁵² Н. А. Смирнов. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. ВВ, т. VII, 1953, стр. 56—58.

⁵³ N. Iorga. Une source négligée. . . , p. 74.

⁵⁴ V. Grecu, La chute de Constantinople. . . , p. 60.

⁵⁵ N. Iorga. Une source négligée. . . , p. 75. Об этом же см.: V. Grecu. Op. cit., p. 61.

⁵⁶ Gheorghe Brancovici. Extrait de la «Revista Istorică». Iași, 1917, p. 84.

⁵⁷ Θεῆνοι — МНН, v. XXI (1), p. 398.

⁵⁸ N. Barbaro. Giornale dell'assedio di Constantinopoli, ed. E. Cornet. Vienne, 1856, p. 66. Того же мнения придерживается Aeneas Sylvius. Opera geographica et historica. Helmstedt, 1699, I, p. 246; Codex Barberinus, in: I. Κορδάτος. Ἀκμή καὶ παρακμή τοῦ Βυζαντίου. Ἀθήναι, 1953, σελ. 354.

для войск, осаждавших город⁵⁹. Тем не менее, оказывается, что эти два изменника руководили во время осады обороной города со стороны моря⁶⁰. Легко понять то рвение, с которым эти разложившиеся люди выполняли и данную задачу⁶¹.

Распределение командования различными секторами Константинополя перед турецким штурмом показывает, в какой мере можно было опираться на византийскую аристократию во время обороны города. Верховное командование сухопутными войсками было доверено генуэзскому кондотьеру Джустиниани, привлеченному в Константинополь единственно перспективами обильного барыша⁶². Он должен был получить остров Лемнос в том случае, если Константинополь будет спасен. Одновременно с общим командованием, Джустиниани непосредственно руководил обороной наиболее угрожаемого сектора. Руководство обороной у других ворот города было поручено также, главным образом, иностранцам⁶³, а один сектор — даже беглому турку⁶⁴. Войска, которые должны были оборонять наиболее уязвимые пункты, были сформированы из одних иностранцев. Барбаро и Леонард с Хиоса, которые рассказывают об этом факте, сообщают, что и восстановление укреплений в дни, предшествовавшие осаде, выполняли венецианцы⁶⁵.

Командующий небольшим греческим флотом был также иностранец Фланданелла, о чем говорит и его фамилия. Мы видим таким образом, что в момент наивысшего напряжения судьба Константинополя была по существу отдана в руки иностранных авантюристов, в то время как византийская аристократия играла совсем незначительную роль в обороне города. «*Historia politica*» и хроника в стихах Иеракса воспроизводят даже ходивший по Константинополю слух, что Джустиниани был ранен одним константинопольским греком во время последнего штурма⁶⁶. И несмотря на то, что в интересах турецких историков было бы подчеркивать трудность взятия Константинополя, даже турецкие источники подтверждают, что оборона города саботировалась⁶⁷. Греческие источники также признают, что ни один представитель высшей греческой знати не соглашался

⁵⁹ Leonard de Chios. *Historia Constantinopolitanae urbis a Mahumete II captae*. PG, t. 159, col. 934; Zorzo Dolfin. *Assedio e presa di Constantinopoli nell'anno 1453*. МНН, v. XXII (1), 1954, p. 1012.

⁶⁰ N. Barbaro. *Giornale...*, p. 19 [с интерпретацией Эллисена (A. Ellissen. *Analekten...*, III, 4, S. 90)].

⁶¹ Напомним, что и в более ранний период представители византийской «высшей знати» не отличались патриотизмом. Так, Константин Раллис Палеолог и Алексей Виссипати (Диссипатос), которые были посланы Мануилом II на Запад собирать средства для организации защиты государства, присвоили себе эти деньги. По просьбе византийского императора король Франции отнял у них право собирать в дальнейшем вспомоществования для Византии и принудил вернуть часть присвоенных сумм. Berger de Xivrey. *Mémoire sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue*. «*Mémoires de l'institut de France*», t. XIX, 1853, p. 152. С. Marinescu. *Du nouveau sur les relations de Manuel II Paléologue (1391—1425) avec l'Espagne*. «*Studi bizantini e neoellenici*», VII, 1953, p. 435.

⁶² Barbaro. *Giornale...*, p. 13, 55. Phrantzes (Bonnae), p. 245, 254; Critobulus, in: C. Müller. *Fragmenta Historicorum Graecorum*, V, 1, p. 74; Leonard de Chios. *Historia Constantinopolitanae urbis...*, col. 936. Согласно Дюке, Джустиниани получил должность протостратора (Ducas. *Historia* (Bonnae), p. 266).

⁶³ Barbaro. *Giornale...*, p. 16. Zorzo Dolfin. *Assedio...*, p. 1007—1012.

⁶⁴ Barbaro. *Giornale...*, p. 19. Phrantzes, p. 252—255.

⁶⁵ Barbaro. *Giornale...*, p. 40, 50; Leonard de Chios. *Historia...*, col. 929.

⁶⁶ *Historia politica et patriarchica Constantinopoleos* (Bonnae), p. 19 (соответственно: M. Crusius. *Turco-Graecia*. Bâle, 1584, p. 13; 'Ιέρραξ. *Χρονικὸν περὶ τῆς τῶν Τούρκων βασιλείας, ἐκδιδ.*: Κ. Σάθας. *Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη*, т. I. Ἐν Βενετίᾳ, 1872, σελ. 265.

⁶⁷ Saad ed-Din. *Chronica...*, II. Madrid, 1652, p. 139.

оставаться в местах, которым угрожал враг, что все они, как сговорившись, трусливо бежали от опасности⁶⁸. Об этом же говорят и западные источники⁶⁹.

Только широкие массы греческого населения оказали упорное сопротивление, защищая каждую улицу, каждый дом⁷⁰.

В последние годы существования империи одним из наиболее видных представителей крупной греческой аристократии как по своему богатству, так и по должностям, которые он занимал при дворе последних Палеологов, был великий дука Лука Нотара. Во всех своих выступлениях Нотара проявляет себя как вождь протурецкой партии. Этот факт не случаен: отношение Луки к турецкой проблеме в действительности отражало отношение к ней большинства византийских аристократов. Только незначительное количество среди них, — те, кто были непосредственно связаны с императорским двором, остались враждебно настроенными по отношению к туркам, сознавая, что крушение империи было бы для них крайне невыгодно. Это меньшинство поддерживало до конца императора Константина в его безнадежных усилиях спасти Константинополь, в напрасной надежде получить помощь со стороны латинян⁷¹.

Только в XVIII в., когда буржуазия была еще восходящим революционным классом, антифеодальным и открыто антиклерикальным, ее представители в историографии заняли позицию, беспощадную по отношению к Нотаре и византийской аристократии. Эта позиция была, в частности, ярко выражена Лебо в его пространной «Истории поздней империи». Для Лебо Нотара — изменник⁷².

Напротив, в буржуазной историографии XIX—XX вв. преобладает (и это вполне объяснимо) совершенно иное отношение к византийской знати, а значит и к Нотаре. Уже А. Мордтманн возмущался теми историками, которые осуждали Нотару и, в частности, Ламартином⁷³. Другой историк падения города, А. Г. Паспатис, также старается представить Нотару в выгодном свете, как мужественного борца за родину⁷⁴. Это отношение последовательно поддерживалось и другими греческими историками. Так, современный греческий историк К. Амандос, не колеблясь, отбрасывает все свидетельства Дуки, столь неблагоприятные для Нотары,

⁶⁸ *Historia politica et patriarchica Constantinopoleos*, p. 18.

⁶⁹ Cristoforo Riccherio, in: Fr. Sansovino. *Dell'istoria universale dell'origine et imperio de Turchi*. Venezia, 1582, p. 345 (по-видимому, этот Риккерий был камергером Франциска); Boris Unbegaun. *Les relations vieux russes de la prise de Constantinople*. «Revue des études slaves», v. IX, 1—2, 1929, p. 32. Те же самые сведения в анналах Стефана Великого (N. Iorga. *Notes et extraits*, III, p. 297; Aeneas Sylvius. *Opera geographica*..., p. 246).

⁷⁰ Н. А. Смирнов. Историческое значение исторической «Повести» Нестора Искандера..., стр. 66 и 68; «Повесть о Цареграде», чтение И. И. Срезневского (воссозданное по различным русским вариантам). «Ученые записки Второго отделения Академии наук». кн. I, СПб., 1854. См. также: МНН, v. XXII (1), p. 1115.

⁷¹ Э. В. Удалцова. Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского. ВВ, т. II, 1949, стр. 296; ее же. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии. ВВ, т. III, 1950, стр. 110.

Борьба двух аристократических партий отражена также и у Авраама Анкирского. ВВ, т. VII, 1953, стр. 454.

⁷² Ch. Le Veau. *Histoire du Bas-Empire*. Paris, 1820, XII, p. 456. Лебо опубликовал свою «Историю» между 1757 и 1786 годами. Мы используем здесь последнее издание, не претерпевшее изменений.

⁷³ А. Мордтманн. *Πολιορκία καὶ ἄλωσις τῆς Κωνσταντινουπόλεως ὑπὸ τῶν Τούρκων ἐν ἔτει 1453*. Ἀθῆναι, 1859, σελ. 217 (на греч. яз.).

⁷⁴ А. Г. Паспатис. *Πολιορκία καὶ ἄλωσις τῆς Κωνσταντινουπόλεως*. Ἀθῆναι, 1890, σελ. 202.

безоговорочно доверяя в то же время льстивой риторике некоторых политических сторонников Нотары, настроенных по преимуществу протурецки⁷⁵. И Коцонис, автор новейшего труда о Нотаре, посвящает ему настоящий панегирик, изображая его мучеником за веру и греческий народ⁷⁶. Даже в тех работах современных буржуазных историков, авторы которых вынуждены признать малодушие и предательство, царившее среди византийских руководителей, упоминается об этом лишь вскользь⁷⁷.

Весьма благоприятное отношение к Нотаре свойственно и польскому историку Г. Эвэрт-Каппесовой⁷⁸.

И в советском византиноведении вопрос об оценке деятельности Нотары не получил еще окончательного разрешения. В статье, посвященной борьбе византийских партий в эпоху падения Константинополя, Э. В. Удальцова не упоминает Нотару ни среди вождей протурецкой партии, ни среди вождей православной партии⁷⁹, а в более позднем ее труде сказано только что «тьма предательства пала и на первого министра империи, великого дуку — Луку Нотару...»⁸⁰

Вот почему я думаю, что следует еще раз остановиться на этом вопросе, используя все имеющиеся теперь материалы.

Чтобы оправдать Нотару, большинство буржуазных историков особо подчеркивает мужество Нотары перед лицом смерти, и считает приказ султана умертвить дуку неоспоримым доказательством его невиновности. Между тем, такое поведение Мехмеда II по отношению к Нотаре после взятия Константинополя вовсе не уничтожает подозрений. Не раз турки, и в частности Мехмед, суля грекам золотые горы, использовали их в своих интересах против их же собственной страны; но достигнув цели, они без малейших колебаний избавлялись от этих «орудий», потерявших для них свою ценность.

У нас имеются многочисленные примеры этого. Так, Халкокондил с горечью отмечает, что несмотря на то, что греческая аристократия Фессалоники помогла в 1430 г. туркам оккупировать этот город, тем не менее, после его взятия Мурад «ни для кого не сделал исключения при пленении, даже для предателей»⁸¹. Город был беспощадно разграблен, а население взято в плен⁸².

Одним из тех, кто особенно отличался низкопоклонством перед турками, был крупный пелопоннесский феодал Матвей Ассан. Сначала он передал туркам город Коринф; вместо того, чтобы защищать, он его сдал врагам⁸³. Затем, во время борьбы между пелопоннесскими деспотами и после того, как деспот Фома был побежден деспотом Димитрием, Матвей Ассан был послан последним в Порту с целью упросить султана вмешаться во

⁷⁵ C. A m a n t o s. La prise de Constantinople. Le cinq-centième anniversaire de la prise de Constantinople. Athènes, 1953, p. 10 sq.; его же. Σχέσεις... σελ. 105—105.

⁷⁶ Т. I. Κοτσώνης. Δούκας ο Νοταρᾶς, ὁ πρῶτος ἐθνομάρτυς. Ἀθήναι, 1953; К. Ἀμάντος. Σχέσεις... σελ. 106.

⁷⁷ Fr. Dölger. Politische und geistige Strömungen im sterbenden Byzanz. «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», Bd. III, 1954, S. 10.

⁷⁸ H. Evert-Kappesowa. La tiare ou le turban. BS, V, XIV, 1953, p. 248.

⁷⁹ Э. В. Удальцова. Борьба византийских партий... ВВ, т. II, 1949, стр. 298—299.

⁸⁰ Э. В. Удальцова. О внутренних причинах падения Византии. ВИ, 1953, № 7, стр. 117. О связи Нотары с турками говорится и в недавно вышедшей работе общего характера греческого прогрессивного историка И. Кордатоса. (I. Κορδατός. Ἀκμή... σελ. 370, 379—380).

⁸¹ Chalcocond., (Bonnae), p. 236.

⁸² Ducas, p. 198; I. Anagnostes. Narratio de extremo thessalonicensi excidio (Bonnae), p. 509—597. Historia politica et patriarchica Constantinopoleos, p. 7.

⁸³ Critobulus, p. 125.

внутреннюю борьбу в Пелопоннесе на стороне Димитрия. Матвей с дарами прибыл в расположение турецких войск. Приняв дары, султан согласился помочь Димитрию. Однако на следующий же день Мехмед «без малейшего основания» приказал посадить в тюрьму Ассана, как рассказывает об этом Критовул, удивляясь поступку Мехмеда и не умея его объяснить⁸⁴. Такая же участь постигла и других представителей греческой знати, вышедших навстречу туркам⁸⁵.

В Трапезунде особо гнусную роль играл Георгий Амируци, судьба которого тоже не была завидной. Грузинский историк Артохил обвиняет Амируци в том, что он просил султана оккупировать город и находился в постоянном контакте с командующим турецкими войсками, окружившими Трапезунд, своим родственником⁸⁶. И хотя и в дальнейшем Амируци продолжал служить султану⁸⁷, это все же не помешало туркам увести в плен его сына, для выкупа которого Амируци вынужден был вымаливать помощь у кардинала Виссариона⁸⁸.

Не один раз турки вероломно нарушали свое слово. Так, например, города, сдававшиеся туркам, получали от последних обещание уважать жизнь и свободу населения, но их судьба ничем не отличалась от судьбы городов, оказывавших туркам ожесточенное сопротивление. В Пелопоннесе турки не сдержали обещаний, данных городам Кастрице⁸⁹, Гардике⁹⁰, Сантамериону⁹¹ и Салменикону⁹². Такая же судьба ожидала и пелопоннесских албанцев, которые поверили обещаниям султана, что их помилуют, если они продадут турецким армиям то, в чем армии нуждались; как только албанцы вышли из укреплений все они были перебиты⁹³. Полное пренебрежение продемонстрировали турки и к капитулировавшей знати города Эноса⁹⁴.

⁸⁴ Critobulus, p. 132.

⁸⁵ Chalcocond., p. 472.

⁸⁶ Грузинская рукопись Артохила у Лебо (Ch. Le Beau. Histoire du Bas-Empire continuée par Brosset. Paris, 1836, г. XXI, p. 326—327). В том же духе написано большинство трудов относительно этой личности (Χρυσάνθος. Ἡ ἐκκλήσια τοῦ Τραπεζοῦτος. Ἀθήναι, 1933, сел. 314 и др.). Аналогичная точка зрения проводится в исследованиях, вошедших в «Le cinq-centième anniversaire de la prise de Constantinople». Athènes, 1953, а именно в работах: С. Αμάντος. La prise de Constantinople, p. 11; G. Ζοργας. Orientations idéologiques et politiques avant et après la chute de Constantinople, p. 116. G. Μεγας. La prise de Constantinople dans la poésie et la tradition populaires, p. 129; K. Ἀμάντος. Σχέσεις, . . ., сел. 133—135.

Однако в греческой историографии последних лет наблюдаются некоторые тенденции к реабилитации Амируци, в этом духе написаны работы: Ν. Τωμαδάκης. Ἐτοῦρ-χελσεν ὁ Γεώργιος Ἀμιρούτζης. ΕΕΒΕ, т. XVIII, 1948, сел. 99—143; Ο. Λαμψίδης. Πῶς ἠλώθη ἡ Τραπεζοῦς; Ἀναγραφὴ καὶ διερεῦνησις τῶν πηγῶν. «Ἀρχεῖον Πόντου», т. XVIII, 1952, сел. 15—54 (По BS, v. XV, 1, p. 101).

Эта современная тенденция к реабилитации некоторых лиц прошлого греческой истории совпадает с усилиями представителей греческой буржуазии, которые борются за установление греко-турецкой «гармонии» в рамках агрессивного Атлантического пакта. Убедительные доводы против этой тенденции см. в работе F. Babinger. Mahomet II le Conquéreur et son temps. Paris, 1954, p. 237.

Чтобы завершить «моральный портрет» Амируци, необходимо задержаться на его стремлении к союзу с Флорентийским собором и на последовавшей вскоре перемене этой его позиции (M. Jugie. La profession de foi de Georges Amiroutzes au concile de Florence. EO, v. XXVI, 1933, p. 175—180).

⁸⁷ Critobulus, p. 142.

⁸⁸ M. Boissonade. Anecdota graeca, V, p. 387—401.

⁸⁹ Critobulus, p. 133—134; Chalcocond., p. 473—474; Phrantzes, p. 405.

⁹⁰ Chalcocond., p. 475; Phrantzes, p. 405.

⁹¹ Chalcocond., p. 477.

⁹² Ibid., p. 482.

⁹³ Chalcocond., p. 482.

⁹⁴ Critobulus, p. 113.

Конечно, если бы турки постоянно применяли подобный метод, они не смогли бы никого ни привлечь на свою сторону, ни обмануть, византийские аристократы перестали бы предавать родину, раз это не приносило им определенных выгод, а протурецкой партии грозил бы распад. Поэтому турки часто меняли свои методы с целью дезориентировать своих сторонников в византийском лагере. И действительно, когда стало известно о несчастье, постигшем жителей города Сантамериона (Сент-Омер), которые после добровольной сдачи туркам были частично казнены, а частично взяты в плен, в других греческих городах произошел перелом в сторону упорного сопротивления. Тогда Мехмед был вынужден пересмотреть свои приемы; пленники из Сантамериона были освобождены, и турецкий командующий Заган был для виду на некоторое время устранен со своего поста⁹⁵. В других случаях византийские предатели были сначала награждены, а затем постепенно потеряли все, что получили, и кончили свою жизнь в тюремных стенах или же были убиты за какую-нибудь действительную или выдуманную вину.

Для иллюстрации гибкости политики турок в их обращении со своими сторонниками особенно характерно изменчивое поведение их в отношении с пелопоннесским деспотом Димитрием. Последний был одним из самых послушных орудий турецкой политики в последние годы существования Византии. Он боролся на стороне Турхана против албанцев, которые были единственной реальной силой в борьбе с турками в Пелопоннесе⁹⁶. В 1459 г. Димитрий снова призвал турок, на этот раз против своего брата Фомы⁹⁷. Однако, к великому изумлению Критовула, турки, тотчас же после прибытия в Пелопоннес по зову Димитрия, начали оккупировать земли этого деспота-предателя: «Он [Мехмед] вторгся со своими армиями не на вражескую территорию деспота Фомы, что было бы естественным и понятным, а в дружескую страну деспота Димитрия»⁹⁸. Димитрий и его семья были взяты в плен турками⁹⁹. Затем султан доверил Димитрию управление островами Лемносом, Имбросом, Фасосом и Самофракией, а также городом Эносом в период, когда этим островам угрожало нашествие латинян, по-видимому, с целью укрепить протурецкую партию на этих островах и тем самым усилить сопротивление латинянам. Но через несколько лет, после достаточно долгой службы туркам, Димитрий был сослан в Дидимотику¹⁰⁰ за ошибки, которых он в действительности не совершил, и, забытый всеми, окончил жизнь в Адрианополе монахом под именем Давида¹⁰¹.

Император Трапезунда Давид сдал город туркам после того, как получил заверение, что взамен ему дадут другое владение¹⁰², и действительно — в течение некоторого времени он пользовался доходами с владения возле реки Стримон, но впоследствии он был убит турками¹⁰³.

Критовул, один из вождей протурецкой партии на островах, получил на некоторое время управление островом Имбросом, но свою жизнь он кон-

⁹⁵ Chalcocond., p. 482.

⁹⁶ Ibid., p. 409, 412.

⁹⁷ Ibid., p. 472; Critobulus, p. 132.

⁹⁸ Critobulus, p. 132; Chalcocond., p. 472.

⁹⁹ Chronicon breve (Bonnae), p. 521.

¹⁰⁰ Phrantzes, p. 429; Historia politica et patriarchica Constantinopoleos, p. 35—36.

¹⁰¹ Phrantzes, p. 449; Lascaris. PG, t. 161, col. 961.

¹⁰² Chalcocond., p. 494.

¹⁰³ Ibid., p. 497; Critobulus, p. 142; Ducas, p. 343—345; Phrantzes, p. 414; J. Enoch Powell. Die letzten Tage der Grosskomnenen. BZ, Bd. 37, 1937, S. 360.

чил все-таки тоже в неизвестности. Не помогло ему и написанное им в панегирическом стиле описание деяний султана.

Аналогичная судьба постигла и Николо II Гаттулузио с Лесбоса; брошенный сначала в тюрьму и закованный в цепи, он принял магометанство, чтобы добиться милости турок, и действительно получил было высокие посты. Но в конце концов он был снова посажен турками в тюрьму и убит¹⁰⁴.

Все эти примеры показывают, что поведение Мехмеда по отношению к Нотаре, если иметь в виду казнь им великого дуки и его сыновей, не может быть доказательством невинности Нотары.

Для объективной оценки Нотары необходимо учитывать всю его политическую деятельность и особенно в критические дни борьбы с турками. Не следует забывать, что в течение всей осады Константинополя Нотара и Геннадий своими выступлениями прямо подрывали среди населения веру в возможность успеха. Геннадий, например, не стеснялся обращаться к константинопольцам с предсказаниями о том, что они или погибнут одновременно с городом, или же попадут в плен¹⁰⁵. И это говорилось в момент, когда необходимо было мобилизовать все силы для решающей схватки. Такая агитация могла только ослабить способность города к сопротивлению¹⁰⁶.

Нотара тоже распространял панические слухи — об этом прямо говорит Пускул¹⁰⁷, обвиняющий его в открытой измене¹⁰⁸.

Отказ Нотары объединиться с латинянами можно понять в наши дни, через пятьсот лет, когда мы видим весь ход исторического развития, когда мы знакомы с последующими событиями. Но в то время, когда город был осажден со всех сторон, изолирован перед лицом громадной турецкой армии среди населения Константинополя, несмотря на то, что оно уже не раз пережило крушение своих иллюзий в отношении помощи Запада, в эти страшные дни все еще теплилась надежда на эту помощь. Каждый слух о том, что латинский флот уже находится в пути к Константинополю, распространялся с быстротой молнии и в какой-то мере поднимал настроение осажденных¹⁰⁹. Поэтому трудно признать, что антилатинская оппозиция в правящих византийских кругах в действительности выражала только скептицизм тех, кто был обманут многочисленными неудавшимися планами крестовых походов. Очень показательны в этом отношении то, что даже тогда, когда после договора в Буде в 1366 г. венгерское выступление на стороне Византии казалось неминуемым, оппозиция тех же самых правящих византийских кругов проявилась весьма энергично¹¹⁰. Источники этой оппозиции надо искать не только в антикатолической непримиримости, как часто думают. Весьма значительная часть византийских феодалов сопротивлялась любому союзу против турок. Так, в 1363 г., когда

¹⁰⁴ Chalcocond., p. 528—529.

¹⁰⁵ Ducas, p. 254 и 264. Принадлежность Геннадия к туркофильской партии признает также и Амандос (Κ. Ἀμάδος. Συγείς... , σελ. 103). Кордатос более категоричен в своих высказываниях против него (Ι. Κορδάτος. Ἀχμή... , σελ. 353, 381). Библиографию работ, в которых Геннадий представлен как предатель, см. у Кордатоса на стр. 325, прим. 1.

¹⁰⁶ Следует отметить, что лишь несколькими годами до этого тот же Геннадий старался убедить латинян помочь Константинополю, хотя в то время опасность и не была еще неминуемой. Oeuvres complètes de Gennade Scholarios, ed. L. Petit, H. A. Siderides et M. Jugie, I. Paris, 1928, p. 296—306.

¹⁰⁷ U. Pusculus, in: A. Ellissen. Analekten..., III. Anhang, S. 29.

¹⁰⁸ Ibid., S. 56.

¹⁰⁹ См. D. Cydonès. Correspondance, p. 63.

¹¹⁰ D. Cydonès. Oratio pro subsidio latinorum. PG, t. 154, col. 1000.

патриарх Каллист попытался сблизить для общей борьбы с турками балканские государства, население которых исповедовало, как известно, главным образом православие¹¹¹, был подготовлен настоящий заговор против патриарха и он был отравлен в расцвете дипломатической деятельности¹¹². (Очень важно отметить, что Каллист был одним из самых ярких противников Кантакузина и его партии крупных феодалов). Около 1370 г. сербы под угрозой турецкого наступления и неизбежного конфликта пытались осуществить новое сближение с Византией, но и эта инициатива не встретила сочувствия¹¹³. Эти факты нельзя рассматривать изолированно или как простые совпадения.

Учитывая все сказанное, можно ли объяснить столь непримиримую позицию Нотары, Геннадия и прочих представителей протурецкой партии только лишь факторами религиозного порядка? В обстановке 1453 г. доводы политической целесообразности не могли позволить, чтобы игнорировалась хотя бы малейшая перспектива помощи. К тому же в отношении Нотары мы имеем ряд доказательств того, что ему отнюдь не был свойственен религиозный фанатизм. Известно, например, что за несколько лет до осады Константинополя и Иоанн Евгеник¹¹⁴, и Геннадий Схоларий¹¹⁵ упрекали его в двойственном отношении к проблеме союза с латинской церковью. Возможно, что Нотара в какой-то период был даже привлечен в латинофильскую партию (латινόφρονες), за что ему, по-видимому, был обещан ряд существенных выгод. Во всяком случае правитель Генуи в 1445 г. благодарил Нотару за дружеские чувства по отношению к республике и доводил до его сведения, что он будет за это вознагражден подестой Перы¹¹⁶.

Следует отметить также, что в 1450 г. император Константин сообщает венецианцам, что отказывается в пользу того же самого Нотары от некоторых ранее ему предоставленных прав¹¹⁷. Едва ли Нотара оставался безразличным ко всем этим подачкам.

В вопросе наследования византийского престола после смерти Иоанна VIII Нотара также занял двусмысленную позицию. Из двух кандидатов, протурецки настроенного Димитрия и пролатински — Константина, Нотара поддержал все же последнего¹¹⁸. Затем он посоветовал императору Константину отправить послов на Запад просить помощи, а он сам добивался поддержки Генуи и Венеции¹¹⁹.

¹¹¹ Cantac., III, p. 361.

¹¹² Niphon. Vie de S. Maxime, ed. Kourilas-Halkin. AB, v. LIV, 1936, p. 48. Настойчивость, с которой Кантакузин пытается пресечь эти слухи, кажется подозрительной (Cantac., III, p. 361).

¹¹³ O. Halecki. Un empereur de Byzance à Rome. Warszawa, 1930, p. 247—248. П. Харанис (P. Charanis. The strife..., p. 297), хотя и считает, что переговоры Углеша с византийцами носили преимущественно церковный характер, допускает также возможность, что тогда же обсуждались и политические вопросы.

¹¹⁴ Ст. Δάμπρος. Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακά, т. I. Ἀθήναι, 1912, σελ. 151—153.

¹¹⁵ Oeuvres complètes de Gennade Scholarios, ed. L. Petit, H. A. Sideridès et M. Jugie, IV. Paris, 1935, p. 496. Не забудем также, что Геннадий, другой непримиримый противник латинян, на Флорентийском соборе был одним из главных сторонников союза. M. Jugie. L'unionisme de Georges Scholarios. EO, v. XL, 1937, p. 65—86; Oeuvres complètes..., I, p. XI, XLIX, 295—389). Больше того, в письме к папе Евгению IV он полон лести и самоуничижения по отношению к папе и видит в нем спасителя своей родины (Scholarios. Oeuvres..., IV, p. 432—433).

¹¹⁶ «Atti della soc. ligure», v. V, p. 299.

¹¹⁷ Ст. Δάμπρος. Παλαιολόγεια..., т. IV. Ἀθήναι, 1930, σελ. 28.

¹¹⁸ Chalcosond., p. 373—374. Glucanorum annalium continuatio auctore Joanne Leunclavio, PG, t. 158, col. 646.

¹¹⁹ К. Ἀμάγτος. Σκέσεις..., σελ. 105.

«Антилатинская непримиримость» отнюдь не помешала Нотаре незадолго до осады Константинополя предусмотрительно переправить в Италию свою дочь и значительную часть своих богатств¹²⁰.

Нотаре как политическому деятелю было свойственно достаточно развитое чувство реального; он не был фанатиком, который из-за соображений чисто религиозного порядка отказался бы от всякой помощи со стороны латинян. Следует добавить и другие факты, освещающие позицию великого дуки как крайне сомнительную. Если он не был связан с турками и не надеялся сохранить для себя привилегированное положение даже после взятия Константинополя, то почему же он не спасся бегством раньше, чем началась осада города? В этот период большая часть византийской аристократии покинула город¹²¹. Могут возразить, что по соображениям патриотического порядка, он хотел бороться до последнего момента. Но Нотара не захотел скрыться даже после того, как турки уже ворвались в город, а такую возможность он, несомненно, имел: ведь ясно, что любой из капитанов латинских кораблей, находившихся в порту и взявших на борт других беженцев, согласился бы взять и Нотару за какую-то часть его огромного состояния. Но Нотара спокойно ждал; он даже не попытался прибегнуть к способу, практиковавшемуся другими аристократами, которые, чтобы незаметно ускользнуть, переодевались в одежду простых людей.

Полна двойственности и позиция Нотары во время самой осады. И хотя нельзя оспаривать некоторые факты его энергичного вмешательства в ход боев, признанные даже его политическими противниками¹²² и принятые едва ли не с целью маскировать свое предательство, все же рассказ Леонарда с Хиоса и Сфрандзи о конфликте Нотары с Джустиниани кажется достоверным. Оживленный диалог, точные подробности, по-видимому, правильно освещают истинную позицию Нотары, отказавшегося накануне решающего штурма турок (24 мая) передать Джустиниани нескольких бомбардиров со своего менее угрожаемого участка. Во время происшедшего по этому поводу весьма бурного объяснения, Джустиниани открыто обвинил Нотару в том, что он является врагом родины¹²³. Монтальдо идет еще дальше: он утверждает, что Нотара облегчил турецким войскам проникновение в город, отворив им одни из городских ворот¹²⁴.

Связь Нотары с турками установилась, по-видимому, задолго до начала осады Константинополя. И надо думать, что не случайно именно Нотара был послан Иоанном VIII к Мураду II¹²⁵. Во всяком случае Сфрандзи,

¹²⁰ Chalcocond., p. 403. *Historia politica et patriarchica Constantinopoleos*, p. 24. В рукописи грузина Артохила говорится о сыне Нотары и его дочери Онии (Анне), прибывших в Рим, где у них было большое состояние, а затем поселившихся в Венеции. Артохил—в: Ch. Le Beau. *Histoire du Bas-Empire*. Paris, 1836, XXI, p. 320. Относительно подробностей об этой дочери Нотары см.: E. Legrand. *Bibliographie hellénique*. Paris, 1885, I, p. CXXVI; N. Iorga. *Byzance après Byzance*. Bucarest, 1935, p. 19.

¹²¹ Phrantzes, p. 241.

¹²² Barbaro. *Giornale*..., p. 41; Ducas, p. 275. Важно для характеристики Нотары и то обстоятельство, что, владея огромным состоянием, он симулировал бедность, и его взнос в фонд обороны ограничился всего несколькими драгоценностями (Scholarios. *Oeuvres*, IV, p. 493).

¹²³ Leonard de Chios. *Historia*..., col. 936; Phrantzes, p. 263; Dolfin. *Assedio*..., p. 1017. Эти хроники Сфрандзи и Дольфина основаны, по-видимому, на сочинениях Леонарда Хиосского (Γ. Παπαδόπουλος. 'Η περί ἀλώσεως Κωνσταντινουπόλεως ἱστορία Λεωνάρδου τοῦ Χίου. ΕΕΒΣ, τ. XVI, 1939, σελ. 85—95).

¹²⁴ A. de Montaldo. *De Constantinopolitano excidio ad nobilissimum juvenem Melladucam Cicadam, amicum optimum*. МНН, XXII (1), p. 50, 53.

¹²⁵ Chalcocond., p. 239; Ducas, p. 196; Phrantzes. *Chronicon minus*, PG, t. 156, col. 1030; соответственно: *Chronicon majus* (Bonnae), p. 118; Леунклавий (Leunclavius. *Glycanorum annalium continuatio*..., col. 643) делает из Нотары две

упомягая об участии Нотары в этом посольстве, добавляет: ὁ δὲ Νοταρᾶς ἵνα τελέσῃ αὐτὴν ὡς χρήσιμος καὶ καλός. Эти слова в устах такого непримиримого противника Нотары, каким был Сфрандзи, конечно, не могли означать похвалы — это был достаточно прозрачный намек: Нотара был «подходящ и полезен для осуществления» взаимопонимания с турками именно потому, что был с ними связан. О том, что Константинополь был захвачен турками благодаря измене секретаря императора, который несколько раз назначался послом к султану, говорит и некий монах Симеон¹²⁶.

С другой стороны, достаточно подозрительным кажется и тот факт, что семья Нотары сумела так быстро разбогатеть в период серьезного кризиса, созданного завоеваниями и грабежами турок. Дед Нотары занимал весьма скромное положение¹²⁷. А уже Николай, отец Луки, стал очень богатым человеком¹²⁸. По сведениям Дуки, он был официальным переводчиком при византийских дипломатических посольствах¹²⁹. Эти послы-переводчики имели большие доходы, присваивая себе часть даров, посылаемых при их посредничестве туркам, или же позволяя подкупать себя либо этим последним, либо итальянским республикам, с которыми им было поручено вести переговоры. Порта всегда пользовалась информаторами, чтобы облегчить свои завоевания в империи, а информаторов зачастую вербовала среди лиц, посылаемых сюда Византией. Дука рассказывает, как один из таких

различные личности: Нотара и Каролука (явное искажение выражения «κῆρ Λοῦκας» — «kir Lucas»).

¹²⁶ N. Iorga. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV-e siècle, vol. III, p. 332.

¹²⁷ U. Rusculus, in: A. Ellissen. Analecten..., p. 21. Мнение Амандоса (Κ. Ἀμάντος. Σχέσεις..., σελ. 104) о том, что Нотара принадлежал к аристократическому роду из Пелопоннеса, кажется необоснованным.

¹²⁸ Ducas, p. 93.

¹²⁹ Ducas, p. 93. Это подтверждается сокращенной надписью, о которой упоминает А. Мортманн (A. Mordtmann. Πολιорχία..., σελ. S. 215). Именно в этой должности он фигурирует в договоре, заключенном Мануилом II с Венецией в 1418 г. (MM, III, p. 162). Согласно неизданному документу, упомянутому В. Лораном, Николай был якобы даже родственником Мануила (REB, v. XIV, 1956, p. 203, № 5). Во всяком случае Николай Нотара, отец Луки, получал деньги из генуэзской колонии Перы (N. Iorga. Notes et extraits..., I, p. 51), вероятно, за услуги, которые он ей оказал; по-видимому, он их получал также и из Флоренции (Σπ. Λάμπρος. Παλαιολόγεια..., т. III, σελ. 359), которая была заинтересована в привлечении на свою сторону влиятельных представителей византийского двора с целью получения таких же привилегий, какие имели Генуя и Венеция (W. Heyd. Histoire du commerce du Levant au Moyen Age. Leipzig, 1886, v. II, p. 299). Во время поездок по Франции и Италии с целью сбора средств, необходимых для обороны Византии, он показал исключительное усердие и умудрялся получать субсидии даже от второстепенных итальянских городов. Ш. Дюканж (Ch. Du Cange. Familiae Byzantinae. Paris, 1753, p. 242), упоминает, что Николай «Натала» будто бы получил только у казначейства короля Карла VI значительную сумму в 1000 золотых. Ясно, что «Натала» — это исковерканное «Нотара» (Κ. Норф. Geschichte Griechenlands. Leipzig, Bd. II, 1870, S. 63, 64, 76; M. Silberschmidt. Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches. Leipzig, 1923, S. 190). Характерно также, что Венеция присвоила ему права гражданства (N. Iorga. Notes et extraits..., I, p. 250). В Венецию Николай Нотара ездил и с поручением деспота Морей (J. Delaville le Roulx. La France en Orient, I. Paris, 1886, p. 347). Едва ли можно сомневаться, что эти дальние путешествия приносили ему значительные доходы, которые он удерживал из получаемых сумм. Во всяком случае известно, что многие посланцы Византии, обезжавшие европейские столицы с целью сбора денежной помощи, присваивали собранные ими средства (С. Магинеску. Du nouveau sur les relations de Manuel II, p. 432). Лука на некоторое время унаследовал должность отца. В ряде договоров с Венецией он фигурирует в чине διεργμνευτής [MM, III, p. 185—договор 1431 г.; p. 195 — договор 1436 г.; p. 215 — договор 1442 г.; p. 224 — договор 1447 г. Только в первом договоре Иоанна VIII (1423 г.) Лука Нотара совсем не упоминается]. В одном из писем императора Константина IX (от 23 октября 1450 г.) Нотара назван «Лука Дирминентис (переводчик) Нотара» (Σπ. Λάμπρος. Παλαιολόγεια..., т. IV, σελ. 28; Diplomatarium veneto-levantinum, II, p. 120).

переводчиков, Коракас, бежавший из Филадельфии аристократ, посланный, чтобы вести переговоры с турками, захватил себе часть даров, предназначавшихся Мураду II, и сговорился относительно сдачи Константинополя. За это турки пообещали Коракасу должность губернатора города¹³⁰. И вовсе не исключено, что огромное состояние семьи Нотары, накопленное в такое короткое время, было получено в подобных же условиях.

Измену Нотары подтверждают, на наш взгляд, и взаимоотношения между султаном и великим дукой тотчас же после взятия Константинополя. Об этих взаимоотношениях сохранилось две версии: одну из них передают с небольшими расхождениями такие историки, как Критовул, Халкокондил и Авраам Анкирский; другую — Сфрандзи и Леонард с Хиоса. Более осторожный Дука воспроизводит обе версии, не отдавая при этом особого предпочтения ни одной из них. Но в сущности обе эти версии отнюдь не исключают друг друга. Они показывают только, что историки, повествующие об этих трагических днях, имели о них неполные и неодинаковые сведения, так как опирались в большинстве случаев на рассказы различных участников этих событий, непосредственно знакомых лишь с отдельными их эпизодами. В панике тех дней многие детали передавались искаженными, и поэтому их надо принимать с осторожностью. Этим и объясняются некоторые противоречия и пропуски рассказа, воспроизводимого историками.

Но при помощи критического сопоставления источников основные интересующие нас факты установить можно. Так, несомненно, что тотчас же после вступления в город Мехмед II принял меры по защите Нотары и его семьи. По одной из версий, султан немедленно послал воинов для охраны Нотары и его семьи, а турки, окружившие с целью грабежа дом великого дуки, были удалены представителями султана с помощью золота¹³¹.

Согласно другим версиям, султан выкупил великого дуку у тех, кто его захватил и собирався увезти на корабле. Затем по приказу султана были найдены и другие члены семьи Нотары¹³². Халкокондил утверждает даже, что были приняты меры к тому, чтобы вернуть Нотаре его исчезнувшие богатства¹³³. Дука рассказывает, что на следующий день султан посетил Нотару, был к нему и его семье весьма благосклонен, он подбадривал его дружескими словами. Другие византийские аристократы (по-видимому сторонники турок), благодаря вмешательству Нотары, также были выкуплены султаном, который хотел им возратить дома и состояния, а также обеспечить их доходы¹³⁴. Больше того, Дука и Критовул утверждают, что султан заявил о своем намерении назначить Нотару правителем Константинополя¹³⁵. Очевидно, это была награда за предательство Нотары¹³⁶. Вспомним, что Мурад II в начале осады Константинополя в 1422 г. действовал точно также, обещав назначить правителем города изменника Коракаса¹³⁷.

Во время своих бесед с Мехмедом Нотара информировал последнего о тех западно-европейских войсках, прибытие которых из Италии ожидалось в последние дни борьбы за Константинополь¹³⁸. Критовул идет даже

¹³⁰ Ducas, p. 184.

¹³¹ Ibid., p. 295.

¹³² Ibid., p. 301.

¹³³ Chalcocond., p. 401.

¹³⁴ Critobulus, p. 101—102; Ducas, p. 301—302; Chalcocond., p. 401; Abraham d'Ancre, BB, VII, 1953, p. 455—456.

¹³⁵ Critobulus, p. 102; Ducas, p. 302.

¹³⁶ Γ. Κορδάτος, Αρχη..., σελ. 379.

¹³⁷ Ducas, p. 184.

¹³⁸ Chalcocond., p. 401.

еще дальше и утверждает, что Мехмед хотел воспользоваться советами Нотары, подобно тому, как он это делал раньше (*ἐμβούλῳ χρησάμενος αὐτῷ πρότερον περὶ τούτου*)¹³⁹. При оценке этого утверждения Критовула, не следует упускать из виду, что Критовул провел последние годы жизни при дворе султана и знал, следовательно, большое число придворных секретов.

Вскоре, однако, произошел резкий поворот в отношении султана к Нотаре. Несомненно, что дело тут было не просто в капризе восточного деспота. Мехмед был слишком тонким политиком, чтобы мы могли допустить подобное предположение. Поэтому утверждение Халкокондила и Дуки, что султан принял решение умертвить Нотару вследствие отказа последнего отдать своего сына на милость завоевателя, вовсе не кажется правдоподобным и не объясняет, почему одновременно с Нотарой и его семьей были убиты также и другие греческие аристократы, буквально накануне выкупленные султаном из плена.

Через пятьсот лет трудно, конечно, установить истинную причину этой перемены. Однако имеющиеся источники позволяют высказать новые гипотезы. По Халкокондилу, в период подготовки к казни Нотары и его семьи дети Нотары умоляли отца отдать все богатства, «какие он имел в Италии, чтобы избежать смерти»¹⁴⁰. Это был не первый случай, когда турки наказывали тех, кто пытался спрятать свои богатства. За это, например, в свое время были уведены в плен жители города Сантамерион¹⁴¹. Может быть то, что Нотара и другие греческие аристократы спрятали свои богатства, привело в бешенство султана, и этим объясняется та поспешность, с которой Нотара постарался представиться султану, чтобы предложить ему свои богатства, как об этом рассказывают Сфрандзи и Монтальдо¹⁴².

Другая гипотеза: возможно, что Нотара вел двойную игру и не информировал султана об измене Халила несмотря на то, что имел все доказательства. Так во всяком случае можно понять намек Авраама Анкирского: «тот (султан) усиленно оказывал ему почести до тех пор, пока не узнал от него тайны, после чего приказал его обезглавить»¹⁴³. Когда Нотара увидел, что его разоблачили, он попытался успокоить султана, предложив ему все свое состояние, сообщил о предательстве Халила и даже вручил султану разоблачающие изменника письма¹⁴⁴. Но этот маневр опоздал. Разговор султана и Нотары, так как его воспроизводит Сфрандзи, свидетельствует о презрении султана к этому предателю. К тому же через некоторое время после падения города Халил по приказу султана был

¹³⁹ Critobulus, p. 102. Критовул пишет дословно следующее: «Он думал поставить Нотару во главе города и его новых жителей, а самому пользоваться его советами подобно тому, как он это делал раньше по этому случаю». Выражение «по этому случаю» может внести некоторую неясность, но в действительности оно говорит лишь о том, что и в предыдущий период султан после взятия того или иного города оказывал милость тем византийским сановникам, которые помогали турецким войскам. Следовательно, этот весьма важный отрывок из Критовула убедительно свидетельствует о предательстве Нотары.

¹⁴⁰ Chalcocond., p. 403.

¹⁴¹ Ibid., p. 477.

¹⁴² Phrantzes, p. 291—293; Montaldo, De Constantinopolitano excidio..., p. 50. Сумма, предложенная Нотарой, о которой говорит Монтальдо («Vigesies centenis augeoim milibus»), является явно преувеличенной. Относительно стремлений греческой аристократии получить благосклонность султана, уступив ему все свои богатства, см. также: Barbaro, Giornale..., p. 66.

¹⁴³ Abraham d'Ankyre, BB, т. VII, 1953.

¹⁴⁴ Leonard de Chios. Historia..., col. 942—943.

убит¹⁴⁵. По-видимому, лишь после взятия города султан узнал о предательстве Халила и упрекал в этом Нотару.

Возможно, что, основываясь на полученных сообщениях, султан пришел к убеждению, что Нотара не сделал всего, что следовало для того, чтобы турки смогли завоевать город раньше и с меньшими потерями. Двойственным поведением Нотары объясняет его казнь и Монтальдо¹⁴⁶. В этом плане легче всего истолковать и высказывания Сфрандзи¹⁴⁷.

Таким образом, уже использованные нами источники достаточны для того, чтобы заставить нас допустить наличие измены со стороны греческой аристократии Константинополя во главе с Нотарой. То, как Мехмед обращался с Нотарой и другими греческими аристократами, выкупив их из рук воинов, возвратив им дома и обещая им высокие посты, полностью подтверждает предательство с их стороны. Ничто другое не может так хорошо объяснить первоначальную благосклонность султана по отношению к ним.

Но есть и другие материалы, подтверждающие измену Нотары во время борьбы за Константинополь. Широко распространенные как в Западной, так и в Восточной Европе многочисленные рассказы о падении великого города объясняют это событие предательством греческого аристократа. Подобные сведения имеются в русских хрониках (Софийская и Львовская летописи), в трудах польского историка Мартина Кромера (где имя Нотары искажено и превращено в «Герлука» — «Кир Лука»), в польской хронике Стрижковского (там Нотара фигурирует под именем «Гертука»)¹⁴⁸. Польский историк Длугош также упоминает об отсутствии доверия со стороны султана и о презрении последнего к «Герлуке», пользовавшемуся расположением византийских императоров, но все же без колебаний предавшего их¹⁴⁹. В румынском рассказе «О пленении священного города Константинополя» знатный грек, показавший туркам самый слабый участок укреплений, носит имя «Герепука»¹⁵⁰. Под именем предателя «Гертуки» Лука Нотара фигурирует и в старинной эпической поэзии чер-

¹⁴⁵ Считаю невозможным согласиться с мнением Кордатоса (Κορδάτος, 'Αρχμ. . . , σελ. 379—380) и Амандоса ('Αμάνδος, Σχέσεις. . . , σελ. 106, 107), что убийство Нотары было спроводировано Халилом. См.: *Historia politica et patriarchica Constantinopoleos*, p. 24; D. Cantemir. *Histoire de l'Empire Othoman*, II, p. 42; Aeneas Sylvius. *Opera geographica. . .*, I, p. 248; Saad-ed-Din. *Chronica. . .*, II, p. 144; Aachik Pacha Zadé, in: «Le cinq-centième anniversaire. . .», p. 28.

¹⁴⁶ Montaldo. *De Constantinopolitano excidion. . .*, p. 53: «objecta de proditione civitatis culpa, quam perperam tradidisse patrem (Magnum ducem) asserebat».

¹⁴⁷ Напомним, что турки преследовали также и других предателей-византийцев, которые по мнению турок оказывали им недостаточную помощь. Так, Иоанн Палеолог, сын Андроника IV, возвращавшийся в турецкой среде и получивший от турок город Селимврию, вынужден был укрыться в Константинополе, так как боялся Баязида. Последний был им очень недоволен, потому что Иоанн Палеолог не дал ему Константинополь (Chalc., p. 23). Следовательно, Иоанн укрылся у своего противника, боясь турок, считавших его ответственным за то, что они не могли с его помощью занять город. Все это могло бы также послужить объяснением того поворота, который имел место в отношении султана к Нотаре и его сторонникам. Во всяком случае, мы не можем принять гипотезу Ф. Бабингера (Babinger. *Mahomet II. . .*, p. 124), согласно которой огромное состояние Нотары побудило султана убить Нотару и его семью. Мехмед мог просто конфисковать богатства Нотары, а жизнь ему все же оставить.

¹⁴⁸ B. Unbegaun. *Les relations vieux russes de la prise de Constantinople*. «Revue des études slaves», v. IX, fasc. 1—2, 1929, p. 36. В мемуарах польского янычара падение Константинополя объясняется также предательством, приписываемым, видимо, генуэзцам (Mémoires d'un janissaire polonais. МНН, v. XXII (2), p. 333).

¹⁴⁹ J. Dlugosius. *Historiae Polonicae*, ed. Przedziecki, Cracoviae, 1878, v. V, p. 144—145.

¹⁵⁰ V. Grecu. *La chute de Constantinople. . .*, p. 87—88.

ногорцев¹⁵¹. Обвинения Нотары в предательстве встречаются в литературных произведениях столь отдаленных друг от друга народов, что невозможно предположить, чтобы у них был общий источник информации. Очевидцы событий 1453 г., рассеявшиеся по всей Европе, распространили мнение, которое, по-видимому, было единым в ту эпоху. Объяснение, говорящее, что дело шло о мести латинян политическому противнику, на которого они хотели бы свалить всю ответственность за катастрофу 1453 г., ни в коей мере нельзя считать удовлетворительным, хотя бы уже потому, что мы встречаем это мнение и в православных кругах, удаленных от любого латинского влияния, как, например, в Черногории и в России.

Единственным современником, восхваляющим Нотару, является Критовул¹⁵². Но не нужно забывать, что Критовул вел себя, подобно Нотаре, идя по тому же самому пути предательства, что именно он организовал сдачу туркам островов Имброса, Лемноса и Фасоса¹⁵³.

Предательское поведение византийской аристократии в годы ликвидации последних остатков независимого греческого государства не является единичным фактом.

Подобное же предательское поведение имело место в 1430 г. со стороны греческой аристократии Фессалоники при ее взятии турками. Знать города убедила Мурада II приступить к его стенам, заверив султана, что при виде турок город сдастся без малейшего сопротивления¹⁵⁴. Протурецкое поведение виднейших представителей городской знати, во время осады пытавшихся сдать город туркам, вынудило венецианцев прибегнуть к различным репрессиям против них¹⁵⁵. Любопытно, что в борьбе за Фессалонику Мурад пытался использовать и представителей аристократии других городов, направляя их в Фессалонику, для того чтобы они ускорили ее сдачу¹⁵⁶.

Протурецкая деятельность пелопоннеского деспота Дмитрия известна достаточно хорошо. Да и многие другие пелопоннесские феодалы все время занимали позицию, благоприятную для турок.

Так, в 1401 г., когда император Мануил решил построить укрепления на перешейке для защиты Пелопоннеса от турецкого вторжения, греческие феодалы оказали ему сопротивление и даже попытались разрушить эти сооружения¹⁵⁷⁻¹⁵⁸. После падения Константинополя крупнейшие пелопоннесские феодалы обратились к султану, умоляя признать их его прямыми вассалами¹⁵⁹.

Город Коринф, несмотря на то что был сильно укреплен, в результате предательства одного из крупных пелопоннесских феодалов, Матвея Ас-

¹⁵¹ V. Jagić. Wer ist Gertuka in Gorski Vijenac? «Archiv für slavische Philologie», Bd. IX, 1886, S. 149—150.

¹⁵² Critobulus, p. 107.

¹⁵³ Правда, похвалы Нотаре имеются также в произведении Николая Сагундино. Но не следует забывать, что этот автор посетил Константинополь через несколько месяцев после его захвата и, видимо, знал только эпизод о казни великого дуки, а перед лицом смерти Нотара, видимо, действительно проявил большое мужество. Если бы Сагундино оказался в Константинополе до завоевания города, то его мнение, несомненно, было бы иным (N. Iorga. Notes et extraits, III, p. 320—321).

¹⁵⁴ Anagnostes. Narratio..., p. 493.

¹⁵⁵ Ducas, p. 192; Chalcosond., p. 235. По стихотворным хроникам Иеракса. город был побежден из-за предательства некоторых монахов.

¹⁵⁶ Anagnostes. Narratio..., p. 435.

¹⁵⁷⁻¹⁵⁸ Σπ. Δάμπρ Παλατολόγια..., τ. III. Ἀθήναι, 1926, σελ. 243; Ἐπιδημιζ Μάζαρι ἐν Αἰθού, in: A. Ellissen. Analekten..., IV, S. 241—244.

¹⁵⁹ MM, III, p. 290.

сана, был все же взят турками¹⁶⁰. Другим предателем был Димитрий Ассан, правитель города Мохлиона.

Высшее греческое духовенство тоже вело себя весьма не патриотично, помогая туркам оккупировать многочисленные города Пелопоннеса. Так, в 1458 г., во время похода турок на полуостров, султан получил сведения из осажденного Коринфа от самого митрополита этого города¹⁶¹. Город Аргос был сдан туркам из-за предательства одного священника¹⁶². Город Салона был оккупирован турками (1397 г.), приглашенными епископом Серафимом¹⁶³.

Из всех городов Пелопоннеса только Монемвасия оказала упорное и эффективное сопротивление. Деспот Димитрий, называя ее с гордостью «одной из самых важных своих крепостей»¹⁶⁴, без колебаний приказал сдать ее султану. Однако вопреки категорическому приказу деспота жители Монемвасии отказались сдать свой город туркам¹⁶⁵. Объяснение этому столь отличному от других поведению нужно искать в особом положении города Монемвасии, где городские элементы сумели освободиться от опеки местной аристократии¹⁶⁶.

Поведение аристократии островов, которая во главе с Критовулом сдала их туркам, также является еще одним аргументом в пользу наших утверждений¹⁶⁷.

Если бы протурецкая позиция византийской аристократии проявилась только в эпоху, когда силы турок действительно возросли и казались непобедимыми, то объяснение такого отношения знати к туркам было бы очень простым. Можно было бы думать, что византийская аристократия надеялась посредством предательства спасти хотя бы частично свои богатства и обеспечить себе соответствующее положение в новом турецком государстве. Однако анализ турецко-византийских взаимоотношений с момента появления турок в Малой Азии показывает, что подобные объяснения не могут рассматриваться как удовлетворительные. Выше мы уже упоминали, что значительная часть господствовавшего в Византии класса заняла определенную протурецкую позицию уже в тот момент, когда турки вторгались в пределы империи лишь как банды грабителей. Это является доказательством того, что помимо обстоятельств и условий данного момента, существовали некоторые постоянно действовавшие факторы, которые определяли непрерывно расширявшееся сотрудничество византийских феодалов с турками.

Несомненно, что византийские феодалы видели в турках прежде всего силу, способную подавить народные движения в эпоху обострения классовой борьбы в Византии¹⁶⁸. С самого начала турецкие эмираты были своеобразными питомниками для вербовки наемников, так как правящий византийский класс боялся вооружать коренное население своей страны. Эти

¹⁶⁰ Critobulus, p. 125.

¹⁶¹ Chalcocond., p. 451.

¹⁶² Ibid., p. 545.

¹⁶³ F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. Stuttgart, 1889, II, S. 259. Объяснение протурецкой позиции духовенства дает Ф. Дэльгер (F. Dölger. Politische und geistige Strömungen..., S. 15).

¹⁶⁴ MM, III, p. 258.

¹⁶⁵ Phrantzes, p. 396—397; Chalcocond., p. 476, 485; Spandugino (Firenze, 1551), p. 44—45.

¹⁶⁶ E. Francès. La féodalité et les villes byzantines au XIII-e et au XIV-e siècles. BS, v. XVI, 1, 1955, p. 95.

¹⁶⁷ Critobulus, p. 103; Э. В. Удальцова. Предательская политика феодальной знати в период турецкого завоевания. ВВ, т. VII, 1953, стр. 93—121.

¹⁶⁸ Э. В. Удальцова. Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV в. ВВ, т. IV, 1951, стр. 94.

наемники использовались в битвах с внешними врагами, в борьбе между феодалами, но главным образом для подавления восстаний греческого и албанского населения империи.

Но ограничиться только этими объяснениями мы не считаем возможным, так как, по нашему мнению, данная проблема требует более глубокого анализа, и нужно учесть, что, кроме уже указанных мотивов, имелись и другие причины, также содействовавшие возникновению протурецких настроений среди византийских феодалов.

В Византии кризис феодализма имеет свои отличительные черты в связи с особенностями развития византийского общества. Как мы уже говорили об этом в другом месте¹⁶⁹, экономическая организация византийского феодального поместья всегда ориентировалась на широкий обмен, а городская жизнь в Византии не исчезла и не прекратилась ни на одно мгновение, и город все время продолжал играть активную роль торгового центра. Легко заметить, что при таком большом значении города для феодального поместья, привилегии, предоставленные венецианцам, а затем генуэзцам, особенно после Нимфейского договора, наносили сильный удар византийской феодальной экономике. Генуэзцы, ставшие хозяевами старинного хлебного пути и посредниками в торговле между районами Северного Причерноморья, богатыми зерновыми культурами, и городами Востока, могли поставлять сельскохозяйственные продукты по своему усмотрению даже в Византию и тем самым конкурировали с местным феодальным производством. Не случайно же все усилия Кантакузина (тотчас же после того, как он утвердился на императорском престоле) были направлены против генуэзцев. Чтобы помешать генуэзской конкуренции, Кантакузин ввел новый, доселе не собиравшийся налог (он сам подчеркивает этот факт) на зерно и другие сельскохозяйственные продукты, ввозимые в империю¹⁷⁰. Благодаря этому вздорожали продовольственные товары и ухудшилась жизнь большей части городского населения, но зато феодалы могли продавать в городах продукты своих поместий по повышенным ценам, которые теперь устанавливались самими феодалами, освобожденными от генуэзской конкуренции. Кроме того, Кантакузин, хотя финансовое положение было бедственным и многие налоги были увеличены, уменьшил права на транзит и пошлины на экспорт. Эта мера имела целью облегчить экспорт продукции крупных поместий и активизировать торговлю зерновыми и другими сельскохозяйственными продуктами, экспортом и торговлей которыми занимались обычно византийские феодалы¹⁷¹. С другой стороны, уменьшая права на транзит, Кантакузин пытался поддержать конкурентов генуэзских торговцев. Эта антигенуэзская политика, навязанная интересами крупных феодалов, привела к войне с Генуей. В этой войне Византия была побеждена, и генуэзцы получили расширение своих привилегий. По мирному договору, заключенному в 1352 г., все товары, продаваемые генуэзцами жителям империи (за исключением вин), освобождались от таможенных пошлин¹⁷².

Такую же антигенуэзскую политику пытался впоследствии проводить и Андроник III, который действовал также в интересах крупных феодалов,

¹⁶⁹ E. Francès. La féodalité et les villes byzantines. ..., p. 85 sq.

¹⁷⁰ Cantac., III, p. 80.

¹⁷¹ Pachym., II, p. 461.

¹⁷² PC, t. 159, col. 1124; M. Villani, in: Muratori, Op. cit., XIV, col. 157.

Ограничения в отношении торговли винами определялись боязнью, что генуэзцы смогут достичь столь же привилегированного положения, как и венецианцы, которые удерживали настоящую монополию на продажу вина. Империя все время пыталась ограничивать эти права венецианцев (Diplomatarium veneto-levantinum, I, p. 274).

с помощью которых он и получил свой трон. Подобные же меры были предприняты и против венецианцев. В ряде соглашений, начиная с соглашения 1324 г., византийские феодалы попытались сохранить за собой некоторые привилегии в торговле с Венецией и в первую очередь — в отношении экспорта зерна¹⁷³. Однако, венецианцы, со своей стороны, обязали Византию согласиться на свободную продажу ими хлеба и других сельскохозяйственных продуктов на территории империи¹⁷⁴.

Таким образом, усилия крупных феодалов освободиться от конкуренции итальянских торговых республик, потерпели крах. И естественным следствием этого явился подрыв экономики византийского феодального поместья.

Другой причиной усиления кризиса византийского феодального общества было развитие городского населения, начавшего борьбу за освобождение византийского города от опеки феодалов, руководивших им до этого времени как в экономическом, так и в политическом отношении. Это было новым и серьезным ударом для византийской феодальной экономики. Город был главным потребителем сельскохозяйственной продукции феодального поместья. Условия ее сбыта во многом зависели от феодалов, так как в их руках была сосредоточена политическая власть в городах. Благодаря своему политическому господству они навязывали условия, наиболее выгодные для них самих, превратив таким образом сбыт продуктов первой необходимости в настоящую монополию. Потеря этой монополии была равносильна крушению всей системы организации византийского феодального поместья, тем более что и на внешнем рынке господство перешло в руки латинян.

Борьба между населением городов и крупными феодалами, руководимыми Кантакузином, приняла особенно острый характер на всей территории империи во время гражданской войны. Даже после того, как Кантакузин провозгласил себя императором, народ не прекращал борьбы. Так, в 1341 г. против него восстали жители города Адрианополя¹⁷⁵. Затем волнение распространилось на все другие города Фракии и Македонии, одновременно с ним имело место восстание крестьян, достигшее своей кульминации во время восстания зилотов в Фессалонике. Даже в Дидимотике, городском центре поместий Кантакузина, жители города и население близлежащих мест попытались организовать совместное выступление против него, как только это позволила обстановка¹⁷⁶. Во всех этих выступлениях четко выявился социальный характер борьбы: с одной стороны, горожане, с другой — местные феодалы¹⁷⁷.

После того как Кантакузин помирился с Иоанном V и был признан императором, горожане, которых до сих пор поддерживал в борьбе Иоанн V, добились помощи со стороны сербов. А перед этим жители города Водены помогли сербам против Кантакузина, когда он попытался захватить их город¹⁷⁸. Город Верроя, управляемый Мануилом Кантакузином, восстал против своего правителя, как только был атакован сербами¹⁷⁹. Когда возобновилась борьба между Иоанном Палеологом и Кантакузином, население Константинополя облегчило Иоанну V вступление в город, а затем начало

¹⁷³ ММ, III, р. 101.

¹⁷⁴ *Diplomatarium veneto-levantinum*, I, р. 273—274; N. Iorga. *Notes et extraits*, I, р. 151.

¹⁷⁵ *Cantac.*, II, р. 176.

¹⁷⁶ *Ibid.*, II, р. 287—288.

¹⁷⁷ *Ibid.*, II, р. 180, 297—298.

¹⁷⁸ *Ibid.*, III, р. 127.

¹⁷⁹ *Ibid.*, III, р. 147.

борьбу со сторонниками Кантакузина, крупными феодалами. Их дома были разграблены¹⁸⁰. После падения Иоанна Кантакузина население Филиппополя захватило его сына Матвея, а затем выдало его сербскому кесарю Воихне; это произошло отнюдь не потому, что население данного города стало к тому времени главным образом сербским, как это пытается объяснить П. Лемерль¹⁸¹, а из-за глубокой ненависти к партии Кантакузина, партии крупных феодалов. Кантакузин использовал все способы, чтобы нанести удар городскому населению, боровшемуся за свое освобождение от политической и экономической опеки феодалов, и, в частности, он переложил всю тяжесть налогового гнета на торговцев и ремесленников¹⁸². Торговцы и ремесленники встали на сторону Кантакузина лишь тогда, когда дело коснулось организации борьбы с генуэзцами. Они решили содействовать постройке флота для борьбы с генуэзцами¹⁸³, так как и горожане, как и византийские феодалы, были заинтересованы в ослаблении засилья генуэзцев в империи.

Иоанну V удалось победить часть крупных феодалов только благодаря эффективной поддержке городского населения. Эта победа позволила городскому населению продолжить борьбу за политическое освобождение, постепенно вытесняя феодалов из политической и экономической жизни городов.

На Западе период развития товарно-денежных отношений, неизбежно вызывавших ослабление экономической роли феодалов, имел следствием начало консолидации централизованной абсолютной монархии. Последней в какой-то мере удалось найти новые источники доходов для значительной части разорявшихся феодалов, обеспечив им должности в государственном аппарате или же обильные подачки при дворе. Совсем иным было положение в Византии. Несмотря на то, что необходимость в централизованной монархии и здесь ощущалась феодальными элементами, терявшими в силу изложенных выше причин привычные источники своих доходов¹⁸⁴, катастрофическое финансовое положение все же привело к распаду государственного аппарата. Флот был уничтожен еще в царствование Андроника II, а усилия Кантакузина восстановить его потерпели крах. Численный состав войск и жалование офицеров непрерывно уменьшались. Командирами же упраздненных морских частей и частей сухопутной армии были представители византийских феодальных кругов. Кроме того, еще Андроник II, чтобы найти необходимые средства для ведения кампании против севастократора Михаила Дуки, уменьшил на одну десятую выплачиваемые аристократам пенсии¹⁸⁵, а через несколько лет упразднил их совсем¹⁸⁶. Дарованные сановникам владения были также сокращены на одну десятую¹⁸⁷. Жалование, выплачиваемое высшим чиновникам в западных районах, было уменьшено на одну треть, а средства, ранее раздававшиеся в качестве вознаграждения придворным сановникам, использовались теперь

¹⁸⁰ Cantac., III, p. 284, 290.

¹⁸¹ P. Lemerle. *Philippe et la Macédoine Orientale*. Paris, 1945, p. 206.

¹⁸² Cantac., III, p. 39—40.

¹⁸³ Ibid., III, p. 71. Соперничество между генуэзцами и византийскими ремесленниками ясно выявилось в ходе борьбы Генуи с императором Иоанном VIII. Первой заботой генуэзцев в этот период было разгромить мастерские ремесленников, расположенные на главной улице Константинополя. (Chalcosond., p. 286).

¹⁸⁴ Πλήθωνος πρὸς τὸν βασιλέα Ἐμμανουὴλ λόγος, in: A. Ellissen. *Analekten...*, IV (2), S. 63, 66.

¹⁸⁵ Pacyum., p. 69.

¹⁸⁶ Ibid., p. 296.

¹⁸⁷ Ibid., p. 209.

в иных целях¹⁸⁸. Только сравнительно небольшое число сановников еще пользовалось благосклонностью императора, но даже и против них имели место резкие выступления со стороны сторонников реформы¹⁸⁹. Плифон советовал всем им удовлетворяться только почестями, не претендуя ни на какую иную компенсацию¹⁹⁰.

Таким образом, весьма значительная часть феодалов не могла рассчитывать на увеличение (или хотя бы сохранение на прежнем уровне) своих доходов в рамках византийского феодального государства, и свои надежды она стала связывать с турецким государством.

Среди всего господствующего класса Византии только небольшое число представителей аристократии, живших еще на средства византийского двора, проявляло определенно враждебное отношение к туркам, так как они действительно были заинтересованы в поддержании византийского государства, поскольку им оно все еще обеспечивало огромные доходы.

Имеются и другие причины, которые также содействовали усугублению кризиса феодального класса Византии.

Положение византийских феодалов ухудшилось и в результате грабежей, которые совершали турки и каталонцы, и вследствие захватов территорий сербским государством Неманичей, и из-за гражданских войн. Феодальная рента сокращалась: много ли можно было взять с земель, периодически выжигаемых и непрерывно опустошаемых? Неудивительно, что землевладельцы, особенно в тех районах, которые подвергались особенно частым нападениям извне (например, в Малой Азии), спешили ликвидировать свои поместья. Характерным в этом смысле является пример роста недвижимой собственности монастыря Лемвиотиссы возле города Смирны в эпоху самых грозных нашествий турок; только от периода 1278—1294 гг. до нас дошло не менее 25 актов о продаже этому монастырю или о принесянии ему в дар различных земельных владений¹⁹¹.

Следовательно, к причинам дезорганизации и упадка феодальных поместий, кроме генуэзской конкуренции и развития обмена, в котором инициатива постепенно перешла в руки городских элементов, необходимо еще добавить грабежи и захват феодальных земель турками и иными завоевателями.

Вот почему в среде византийской интеллигенции стала зреть мысль о проведении реформ с целью изменения создавшегося положения. Самым смелым реформатором этой эпохи был Плифон. Чтобы обеспечить обработку земли в тех трудных условиях, которые сложились в сельском хозяйстве, он выдвинул мысль, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, что они должны платить государству соответствующий налог натурой¹⁹².

Некоторые попытки реорганизовать свое хозяйство на иной базе предпринимались и отдельными феодалами.

Очень показательным в этой связи является описание богатств крупного феодала Иоанна Кантакузина, конфискованных его политическими противниками. В этом описании нас поражает огромное количество различного скота: тысячи голов коров, быков, лошадей, свиней и десятки тысяч овец во Фракии¹⁹³, не считая многочисленных стад в Фессалии¹⁹⁴. Видимо,

¹⁸⁸ Ibid., p. 493.

¹⁸⁹ Πληθύνωρος πρὸς τὸν βασιλέα Ἐμμανουὴλ λόγος, in: A. Ellis en. Analecten... IV (2), p. 52.

¹⁹⁰ Ibidem.

¹⁹¹ MM, IV, passim.

¹⁹² Πληθύνωρος... λόγος, σελ. 53.

¹⁹³ Cantac., II, p. 185

¹⁹⁴ Ibid., p. 192.

в такой форме — в форме стад, к тому же разбросанных по разным областям империи, надежнее было сохранять свои богатства. Во всяком случае в летние месяцы, т. е. как раз в то время, когда наиболее часто совершались турецкие набеги, стада были в укрытии, в горах, в то время как земли на равнине оставались на милость захватчиков. Но переход к скотоводческому хозяйству не мог, конечно, вывести феодальные хозяйства из кризиса, который они тогда переживали. Кроме того, площадь пастбищ постепенно сокращалась, либо из-за продвижения турок, либо из-за завоеваний сербских королей. Только пелопоннесские феодалы, благодаря особым условиям на полуострове, сумели сохранить огромные стада скота вплоть до XV столетия¹⁹⁵.

Не удивительно, что в среде феодальных кругов Византии появилась и постепенно усиивалась тенденция к накоплению сокровищ¹⁹⁶. Уже Кантакузин говорит об огромных денежных накоплениях, которыми он обладал в Константинополе и которые были разграблены сторонниками Анны Савойской¹⁹⁷. Упомянув о состоянии, приобретенном за время службы одним из византийских сановников, Патрикиотом, Кантакузин рассказывает, что эти богатства состояли только из золотых монет и драгоценных камней¹⁹⁸. Значительное состояние, состоявшее тоже из монет и драгоценностей, принадлежало и Андронику Палеологу¹⁹⁹.

Плифон также советует византийской аристократии хранить свои богатства в виде золотых монет²⁰⁰. В эпоху завоевания Константинополя многие представители аристократии еще располагали крупными запасами золота и драгоценных камней. Разительным примером является то, что богатства, которые Лука Нотара положил к ногам султана, поразили даже Мехмеда II²⁰¹.

Сокровища, спрятанные греками в момент, когда Константинополю грозила опасность, оказали сильное влияние на фантазию современников. Все народные предания о завоевании города говорят о богатствах, спрятанных греческими аристократами. Леонард с Хиоса и Барбаро также упоминают о больших богатствах, найденных турками у многих представителей византийской знати²⁰². В *Scopica Bononiensium*, рассказывающей о взятии Константинополя, отмечается как факт, заслуживающий быть упомянутым, захват сказочных богатств, золота и драгоценных камней, собранных здесь греками²⁰³. Об этом же говорит и Кантемир²⁰⁴. Тетальди оценивает трофей, взятые турками при завоевании города, в четыре миллиона дукатов. Возможно, что эта цифра несколько преувеличена²⁰⁵, но характерно, что

¹⁹⁵ V. Laurent. Une famille turque au service de Byzance — les Méliques. BZ, Bd. 49, 1956, S. 358.

¹⁹⁶ D. Zakythinos. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIII-e au XIV-e siècle. Athènes, 1948, p. 74.

¹⁹⁷ Cantac., II, p. 185, 223.

¹⁹⁸ Ibid., p. 62.

¹⁹⁹ Ibid., p. 278—279.

²⁰⁰ Πλήθωρος... λόγος, σελ. 52.

²⁰¹ Phrantzes, p. 291—293.

²⁰² Leonard de Chios. Historia, col. 934; Barbaio, Giornale..., p. 59—60 (Барбаро сообщает, что у одного знатного грека было найдено 30 тыс. дукатов).

²⁰³ Muratori. Corpus Chronicorum Bononiensium XVIII, fasc. 20—21, p. 187.

²⁰⁴ D. Cantemir. Histoire de l'Empire othoman, II, p. 36—37. Относительно богатств, состоявших из золота, серебра и драгоценных камней, см. также турецкого хрониста Аашик Паша Заде (Aachik Pacha Zade. Cinq-centième anniversaire..., p. 28).

²⁰⁵ „Сообщения Франциско де Франко его высокопреподобию монсенюру кардиналу Авиньона, а также Иехана Бляншина и Жака Тетальди, флорентийского торговца, от 29 мая 1453 г. о взятии турецким императором Константинополя, в котором упомянутый Жак был лично“ [МНН, в. XXII (1), p. 906].

среди турок долгое время было в ходу выражение «он, должно быть, принял участие в грабеже Константинополя», которое применялось по отношению к очень богатым людям²⁰⁶.

Не следует забывать кроме того, что аристократы переправили за границу часть своих богатств²⁰⁷. Не повторяя сказанного выше о Нотаре, укажем, что и другой вождь протурецкой партии, деспот Димитрий, хранил свое состояние в венецианском владении Корон²⁰⁸. Другие пелопоннесские феодалы поступали подобным же образом, отправляя на сохранение свои сокровища в принадлежащие венецианцам города Корон и Модон²⁰⁹. В этих условиях деньги почти перестали выполнять функцию обращения. Накопление сокровищ, которым занялась аристократия, способствовало дальнейшему ухудшению экономического положения. Таким образом, феодальный класс Византии, который, несомненно, некоторое время играл определенную роль в организации производства в империи, постепенно был устранен из экономической жизни страны и стал по преимуществу элементом паразитическим. К тому же все яснее проявлялась его неспособность защитить территорию своего государства. Напротив, непрерывные феодальные войны опустошали и ослабляли страну.

О крайне паразитическом характере господствовавшего в Византии класса прямо говорит Плифон: «Для правящего класса, — пишет он, — неподходящ ни один вид занятий»²¹⁰. Об этом же он говорит и в другом месте, признавая, что правящие круги Византии вели праздный образ жизни и играли отрицательную роль в жизни государства²¹¹.

Нельзя, конечно, отрицать, что правительство пыталось принять некоторые меры. Но все это были паллиативы. Например, поощрялось устройство турецких колоний во Фракии и албанских на Пелопоннесе. При этом надеялись, что в этой среде смогут вербоваться наемные войска, необходимые для борьбы с внутренними и внешними врагами²¹². Но метод, успешно применявшийся византийцами в прошлом, в XIV и XV вв. дал плохие результаты. Именно турки, уровень цивилизации которых столь отличался от греческого и которые находились в постоянном контакте с завоевателями Малой Азии, содействовали еще большему уменьшению сил сопротивления Византии и росту враждебности масс по отношению к феодалам, облегчавшим туркам обосноваться на европейском континенте.

В сложившихся условиях для той, подавляющей по численности части византийских феодалов, которая хотела во что бы то ни стало сохранить

²⁰⁶ F. Babinger. Mahomet II, S. 125.

²⁰⁷ Chalcosond., p. 403; Historia politica (Bonnae), p. 24. Состояние, отправленное им в Италию, должно быть, было значительным, если учесть, что его дочь Анна, укrywшаяся в Италии, смогла вести переговоры с Сиенной о покупке замка с прилегающей землей, чтобы переоборудовать его в жилище для ста семей греческих беженцев. Та же самая Анна Нотара покровительствовала изданию Большого этимологического словаря (E. Legrand. Bibliographie hellénique, XVe et XVIe siècles, p. CXXXVI—CXXXVII).

²⁰⁸ N. Iorga. Notes et extraits, III, p. 267.

²⁰⁹ Ibid., p. 22, 256; K. Hof. Geschichte Griechenlands. Leipzig, II, 1870, S. 108, 116 [авторы этих работ приводят известия о складах, созданных в Модоне старопедархом Георгием Даймонаянисом (в действительности Эвдаймонаянисом. — N. Iorga. Notes et extraits, II, p. 198, not. 3; C. Sathas. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen-âge, III, p. 350—351)].

²¹⁰ Πλ ἡ θ ω ν ο ς . . . λόγος, σελ. 68.

²¹¹ Ibid., S. 52—53.

²¹² Деспот Феодор I из Морей содержал при себе турецкие войска, присутствие которых беспокоило венецианцев. Они требовали, чтобы Феодор их расформировал (N. Iorga. La politique vénitienne dans les eaux de la Mer Noire. «Académie Roumaine. Bulletin de la section historique», II, 1914, № 2—4, p. 314.

свое привилегированное положение и свои старые методы эксплуатации, самым верным путем к достижению этих целей казался путь поддержки турок²¹³.

Некоторая часть этих ренегатов, предавших свой народ, действительно сумела (на первых во всяком случае порах) сохранить в большей или меньшей степени свое привилегированное положение. Многие из них были привлечены турками в государственный аппарат, постепенно усложнившийся в связи с расширением территории, и даже в армию. Все источники того времени говорят о большом количестве греков, занимавших даже высшие должности в Османской империи, и о посланниках и военных командирах греческого происхождения. Интересно в этой связи следующее ценное замечание Халкокондила в его «Истории»: «Сыны эллинов Византии, которых император (султан) содержал при себе, стали также очень могущественными»²¹⁴. Эти руководящие греческие элементы внесли существенный вклад в административное, военное и экономическое устройство обширного турецкого государства. Как весьма справедливо подчеркивает К. Амандос, только с турками, прибывшими из Малой Азии, невозможен был бы столь быстрый подъем Османской империи²¹⁵.

В Османской империи существовали также условия, благоприятные для того, чтобы греческая аристократия возобновила свою торговую деятельность, которая была более уже невозможна в Византии, пришедшей в полный упадок. Для военной касты турецких феодалов торговля не представляла никакого интереса, так как они жили за счет порабощенных народов. Постепенно турки выгнали венецианцев и генуэзцев из их торговых владений, но сами не заняли их места. В то же время местные формы городской жизни, которые начали складываться в период борьбы с византийскими феодалами и итальянскими республиками, потеряли все свое значение. Тотчас же после захвата их турками греческие города были разграблены и опустошены, большая часть населения была уведена в рабство или же должна была скрываться²¹⁶. «Среди городов, порабощенных этими варварами (турками), — пишет Кидонис, — некоторые были полностью лишены населения, повсюду жители были либо проданы в плен, либо эмигрировали в наиболее удаленные страны...»²¹⁷.

Турецкая империя была отсталым феодальным государством; в районах, завоеванных турками, наблюдался возврат к более низким, примитивным формам феодализма, что давало византийским ренегатам возможность найти здесь условия жизни по своему вкусу. Если греческие аристократы не обращались в магометанство и не попадали в феодальный государственный аппарат турок, для них оставался свободным путь ко всякого рода коммерческим занятиям. Ярким представителем этой категории лиц, одно время процветавших, был, например, Михаил Кантакюзин — Шейтаноглу.

Только небольшая часть византийских феодалов выехала из империи до или сразу же после падения Константинополя. Эти эмигранты получили при папском дворе или при княжеских дворах Италии такие должности, которые им не могла уже оплатить истощенная казна Византии²¹⁸. Много

²¹³ По-видимому, византийские феодалы вначале не думали о полном подчинении туркам, а рассчитывали на компромисс — на создание турецко-византийской империи. Есть сведения, что и турки эту идею одно время поддерживали (едва ли, впрочем, искренне). См. об этом: M. Silberschmidt. Das orientalische Problem..., S. 79.

²¹⁴ Chalcocond., p. 436.

²¹⁵ К. Ἀμάντος. Σχέσεις..., σελ. 197.

²¹⁶ E. Legrand. Lettres de l'empereur Manuel Paléologue..., p. 310.

²¹⁷ Cydonès. Correspondance, p. 89.

²¹⁸ N. Iorga. Byzance après Byzance. Bucarest, 1935, p. 17.

византийских аристократических семей искало убежища при дворе деспотов Мистры, где они стремились еще играть политическую роль, но это продолжалось очень недолго, ибо, как известно, судьба деспотата была подобна судьбе остальных частей Византии²¹⁹. Другие аристократы с этого, вероятно, момента открыли дорогу в румынские земли²²⁰, где имелись перспективы для продолжения дающей выгоды деятельности, — перспективы, которых уже не было в Греции.

И из оставшихся под властью турок аристократов, некоторая часть, а также люди науки, которым больше нечего было делать в отсталой Турецкой империи, вскоре начала эмигрировать за границу; но огромное большинство их спокойно согласилось либо на потерю политических прав, в обмен на экономические выгоды, либо на ассимиляцию с массой завоевателей путем перехода в ислам²²¹.

И только греческий народ в течение многих веков продолжал вести борьбу за свободу, за освобождение из-под оттоманского ига. Борьба была упорной, но неорганизованной и изолированной. В ходе этой борьбы греческий народ вписал в историю человечества страницы немеркнувшей славы, которые будут всегда прекрасным примером того, как в исключительно трудных условиях народ может вести неустанную и полную самопожертвования борьбу. Греческая же аристократия не приняла участия в этой борьбе. Она уже давно предала дело независимости греческого народа²²².

²¹⁹ D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée. Athènes, 1953, II, p. 212.

²²⁰ Ἐπιδημία Μάζαρι ἐν Αἰδού, in: A. Ellissen. Analekten, Bd. IV, S. 214—223.

²²¹ F. Dölger. Politische und geistige Strömungen..., S. 15.

²²² Мнение Зораса (Zoras. Tendenze politiche in Grecia dopo la caduta di Constantinopoli. — «Studi bizantini e neoellenici», v. VII, 1953, p. 511), который считает, что такие люди, как Критовул, согласились на сотрудничество с турками будто бы в надежде на то, что когда-нибудь можно будет снова перейти к открытой борьбе, ни на чем не основано.

Перевод В. П. Яблонской.